

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Л. Рубинштейн

**БЫТИЕ
И СОЗНАНИЕ**

Мастера психологии

Сергей Рубинштейн

Бытие и сознание

«Питер»

2017

УДК 122
ББК 87.212.22

Рубинштейн С. Л.

Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн — «Питер»,
2017 — (Мастера психологии)

ISBN 978-5-496-02943-8

Работа крупнейшего российского психолога и философа С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» освещает одну из важнейших проблем философской мысли — вопрос о природе сознания в его отношении к бытию, к материальному миру. В книге рассматривается ряд основных проблем теории познания — об идеальном и материальном, о субъективном и объективном и т. д. В решении ряда важнейших проблем, поднимаемых в этом труде, центральное место занимает понимание детерминизма. Последняя часть книги посвящена теоретическим вопросам психологии, в частности, психологии личности. Начав свой путь как философ, автор по причине социальных жизненных обстоятельств официально стал советским психологом-теоретиком, исследователем, методологом, организатором психологической науки. В данной работе Рубинштейн выстроил концепцию, которая непротиворечиво и органично объединила все позитивное в истории философской и научной мысли. Издание адресовано психологам, философам, а также всем интересующимся.

УДК 122
ББК 87.212.22

ISBN 978-5-496-02943-8

© Рубинштейн С. Л., 2017

© Питер, 2017

Содержание

Предисловие	6
Биография С. Л. Рубинштейна[13]	30
Бытие и сознание	38
Глава 1	38
К постановке проблемы	38
Глава 2	56
1. Теория отражения	56
2. О психическом как идеальном	62
3. О психическом как субъективном	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

С. Л. Рубинштейн

Бытие и сознание

Предисловие

Данное издание, на первый взгляд просто включающее один из двух последних философско-психологических трудов С. Л. Рубинштейна, на самом деле имеет гораздо более глубокий смысл, вскрывающий внутреннюю логику его научного и жизненного пути. Эти два труда представляются парадоксальным, неожиданным завершением жизни выдающегося психолога именно в силу их преимущественно философско-методологического содержания. Начав свой путь как философ, он по причине социальных жизненных обстоятельств официально становится советским психологом-теоретиком, исследователем, методологом, организатором психологической науки. Что же побуждает его в конце жизни снова заявить о себе как философе – вернуться к идеям, имеющим парадигмальное философское значение для психологии («Бытие и сознание», 1957) и представляющим новую парадигму самой философии («Человек и мир», 1973)?

Последний, не заверченный по форме, но законченный по содержанию труд «Человек и мир» явился его философским завещанием – богатейшим наследством для тех, кто сумеет его прочесть и понять. Последнее слово в своей жизни и творчестве он сказал как философ, восстановив себя в правах философа, поставившего философскую проблему человека в мире.

Книга «Бытие и сознание», вышедшая в свет в 1957 г., фактически была третьим фундаментальным трудом С. Л. Рубинштейна, которому предшествовали «Основы общей психологии» (1940; 1946) и «Философские корни психологии» (1947) – книга, набор которой был рассыпан на стадии верстки.

За десятилетие, предшествовавшее выходу книги (с 1946 до 1956), С. Л. Рубинштейн пережил два удара, нанесенных по его трудам: первым была критика «Основ общей психологии», неожиданно последовавшая после необыкновенного и научного и социального успеха (1-е издание «Основ общей психологии» было удостоено Государственной премии), вторым – уничтожение верстки следующей книги «Философские корни психологии» (1947), написанной в обстановке критики «Основ» и проработок автора. Сам С. Л. Рубинштейн был подвергнут научной и идеологической критике (обвинен в космополитизме) и снят со всех постов¹. Выход в свет «Бытия и сознания» и последовавших за этой монографией еще двух книг («О мышлении и путях его исследования», 1958, и «Принципы и пути развития психологии», 1959) свидетельствовал о необычайном человеческом мужестве, позволившем преодолеть эти потрясения, и творческом духовном подъеме автора, хотя его научный статус даже после смерти Сталина (1953) официально не был восстановлен.

Воодушевило ли Сергея Леонидовича падение сталинского режима или сама возможность, наконец, после нескольких лет запрета публиковать свои труды, или желание открыто ответить на жестокую критику своих оппонентов? Вероятно, вся совокупность этих обстоятельств сыграла свою роль. Но главная причина, несомненно, в самой особенности его личности и в том подъеме его внутренней жизни, который пришелся на этот период, в творчестве, которое и было смыслом, целью его жизни практической и направленной на

¹ См. об этом подробнее статью А. В. Брушлинского в книге «Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологии» (М., 1989).

решение самых сложных проблем философии и психологии (ее предмета). Это и позволяло ему выстаивать в самых трудных жизненных испытаниях.

Есть люди, личностное развитие которых достигает вершин, подпитываясь удачами и успехом. Рубинштейн принадлежал, как мы видим, к другому типу людей: препятствия порождают у них энергию и силы для их преодоления.

«Бытие и сознание» и «Человек и мир» позволяют раскрыть всю целостность его замысла, возникшего в начале жизни, и представляют собой его реализацию, свершившуюся только в ее конце. Суть его призвания была в том, чтобы обрести и реализовать свое истинное назначение философа, чтобы решить самые трудные проблемы и психологии, и философии². Задача эта была понята и сформулирована им еще в самом начале его научного пути на основе переработки и переосмысления всего богатства, проблем и противоречий философской, конкретно-научной и психологической мысли. Но ее решение оказалось отложенным на целую жизнь, на десятилетия в силу сложившихся обстоятельств реальной жизни. О том, что такой замысел был сформулирован и достаточно глубоко конкретизирован, свидетельствуют еще не опубликованные рукописи 1910–1920-х гг. и статья «Принцип творческой самодеятельности» (1922)³, а также впервые публикуемые в данном издании выдержки из рукописей 1920-х гг. В них уже ставятся проблема человека в мире, проблема субъекта, т. е. дается абрис онтологии и философской антропологии. Этот замысел и реализованный им подход и позволил С. Л. Рубинштейну, не воплощая его в собственно философской форме, что было невозможно, «видеть» сущностные характеристики психологии как науки, реализовать в ней методологические принципы, которые он легализовал, опираясь на марксизм, дав свою модель и интерпретацию Марксовой категории деятельности и раскрыв ее роль для психологии. Человек, субъект деятельности, личность оставались «за сценой», но понимание их сущности позволяло Рубинштейну уже в «Основах общей психологии» дать уникальную трактовку предмета психологии, психики, сознания, никем в мире еще не превзойденную по своей интегративности, глубине и перспективности.

В «Бытии и сознании» С. Л. Рубинштейн легализует свою позицию как философа, о чем свидетельствует само название книги, введение понятия «бытие», непризнанного в обиходе официальной философии. Труд назван не «Материя и сознание», как то могло бы звучать, если бы автор следовал марксистской традиции, а «Бытие и сознание». В этом томе, как его можно назвать по отношению ко второму труду (тому) «Человек и мир» (фактически, в совокупности образующих двухтомник), он решает первую, ориентированную на проблемы психологии задачу – реализует *онтологический* подход к ее предмету. В томе «Человек и мир» он предлагает философскую концепцию онтологии-бытия и субъекта-человека в мире. Тем самым им решается вторая задача – создания философской антропологии.

Эта задача, решавшаяся Рубинштейном на протяжении всей жизни, требовала определенного метода (даже – стратегии), к разработке которого он приступил еще в своей самой первой философской работе – докторской диссертации, посвященной методу и блестяще защищенной в Марбурге.⁴

Необходимо было увидеть и извлечь все позитивное, вызревавшее на протяжении истории в философской мысли – особенно «зерна» кантовской и гегелевской философских парадигм. Но раскрытие этого позитивного содержания, одновременно с преодолением его

² О своем жизненном назначении, ответственности за реализацию научных и мировоззренческих идей Рубинштейн пишет в своих дневниках, впервые целиком публикуемых в данном издании.

³ Статья «Принцип творческой самодеятельности» (Учен. Записки Высшей школы Одессы. – 1922. – Т. 2. – С. 148–154) представляет одну из небольших глав книги, оставшейся в рукописях, она переиздана в журнале «Вопросы психологии» (1986. – ¹ 4. – С. 101–107).

⁴ См. об этом подробнее статью А. В. Брушлинского в книге «Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологии» (М., 1989).

односторонней, ограниченной механистической или идеалистической интерпретации, он осуществил не с позиций марксистской философии, а исходя из той философской парадигмы, которую он выстраивал на протяжении всей своей жизни, но основы которой, судя по трудам 1920-х гг., сложились еще до обращения к работам К. Маркса. Метод, доступный только интеллекту такого уровня, каким обладал Рубинштейн, заключался в раскрытии и интеграции всего богатства, содержавшегося и в философском, и в научном знании, в философии и науке прошлого и настоящего. Практически любая концепция строится (и в том случае, если она развивает предыдущую или представляет собой ее альтернативу) методом все далее идущей конкретизации ее основных положений. В этом бывает заключена и ее оригинальность и ее... обособленность. Автора целиком поглощает задача выстроить все звенья *своей* теории. Поэтому к прошлым или существующим концепциям он обращается по отдельным вопросам, ссылаясь на них, их упоминая или критикуя.

Рубинштейн смог выстроить такую концепцию, которая непротиворечиво и органично объединяла все позитивное в истории философской и научной мысли. Он сумел это сделать, обобщив основные ходы человеческой мысли, вскрыв ее логику, альтернативы и противоречия. При этом он рассматривал историю философии и науки *не только как знание*, не как совокупность теорий, а с *точки зрения того способа мышления*, хода мысли, который к ним привел.

Существует методология и науковедение, вскрывающие принципы построения науки, которым она должна отвечать с точки зрения того или иного этапа и уровня развития научной рефлексии. Хотя сама философия выступает как методология, можно сказать, что Рубинштейн раскрыл методологию философской мысли, способа философского мышления и тем самым сумел интегрировать все то, что этой методологией охватывалось. Его философская концепция содержит в себе рефлексию всей истории и современной ему философии и в этом смысле является *метаконцепцией, парадигмой*.

Первый вопрос, который можно поставить в этой связи: на что он опирался, что было исходным основанием такого интегрирующего синтетического способа философского мышления? Несомненно, исходным пунктом была задача, поставленная марбургской школой именно как методологическая, а не чисто философская, в решение которой он включился со всей страстью ищущего мыслителя. Марбургская школа была не просто и не только философией неокантианства, а Коген и Наторп – не только эпигонами великого Канта. Задача синтеза гуманитарного и точного, естественнонаучного знания была подлинно методологической проблемой века. Это была проблема поиска единого метода, но она и не могла быть решена в рамках кантовской философии и логики. Рубинштейн принял эту, как он уже тогда видел, открытую, нерешенную проблему, но поставил ее для себя как проблему интеграции философской мысли, как проблему синтеза философии и науки, как проблему философской рефлексии нового уровня.

Была ли для него отправным основанием концепция Маркса? Впервые в этом издании, объединяющем важнейшие философские труды С. Л. Рубинштейна, можно открыто ответить на этот вопрос. Да, Рубинштейн уже с очень раннего возраста читал Маркса, изучал его в Германии в немецких изданиях (о чем свидетельствуют его дневники), но опирался он не на концепцию Маркса в разработке *своей* философской парадигмы (о чем свидетельствуют философские записки 1910–1920-х гг.).

Его отношение к концепции Маркса (и характер реализации ее положений) менялся на протяжении его научного пути. Первым этапом стало позитивное конструктивное переосмысление концепции К. Маркса под углом зрения глобальной задачи выхода психологии из кризиса (порожденного не только ее альтернативными тенденциями, но в том числе поверхностным «цитатническим» использованием трудов Маркса). Рубинштейн выдвигает как определяющую для развития психологии категорию деятельности или принцип един-

ства сознания и деятельности. Это обобщение и преобразование в методологический принцип психологии целой совокупности положений Маркса. Вторым – столь же позитивным – этапом было обращение к ранним рукописям Маркса (совершенно непопулярным в официальном советском марксизме).⁵

Наконец, третьим – критическим этапом – явился так прямо и названный самим С. Л. Рубинштейном «выход за пределы марксизма». Что конкретно имел в виду Рубинштейн? В «Бытии и сознании» он развернул критику ленинского понятия материи и его определения через сознание. Далее он дал критику официального марксизма – положения о трех составляющих его предмета – учения об обществе, о сознании (мышлении) и природе как «лоскутной» концепции, не имеющей единого основания интеграции. Эта критика дана в книге «Человек и мир». Наконец, он противопоставил свою онтологическую концепцию марксистской теории, постулировавшей три положения, которые могут быть названы онтологическими «бытие определяет сознание» («базис и надстройка», «материальные условия являются определяющими в жизни людей», «материя есть объективная реальность, существующая независимо от сознания»). Он доказал, что не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие. Характеризуя в самом общем виде марксистскую концепцию, можно сказать, что она содержала в себе анализ движения общественного производства, непосредственно связываемый К. Марксом с экономическими взаимоотношениями людей, анализ смены типов производства как определенных общественных формаций (характеризующих в целом базис общества и его сознание, включая его различные формы) и, наконец, связываемую с разными типами формаций идеологию, поставленную во главу угла политикой социализма. Маркс анализирует производство и труд, Рубинштейн выстраивает на основе его работ категорию «деятельности»; Маркс исследует отношения людей друг к другу, возникающие в процессе труда, и их характер, Рубинштейн – деятельность как совершенно особую форму активности Человека (как рода и как индивида) по отношению к природе. Маркса интересует потребительная стоимость предметов, создаваемых трудом, Рубинштейна – способность (свойство) деятельности осуществлять качественные превращения предметов и явлений, сохраняя при этом их сопоставимость, эквивалентность, идентичность (в определенном смысле). Это говорит о том, что Рубинштейн разрабатывает целую систему различных абстракций: негативирующих, отрицающих (например, идеологию, проблемы эксплуатации труда и т. д.) и конструктивных.

Что позволило Рубинштейну представить более конструктивную и интегральную концепцию по сравнению с марксистской? Как было сказано, это прежде всего метод, позволивший вобрать в свою систему богатство предшествовавшей и современной ему философской и научной мысли. По отношению к множеству различных теорий, к которым он обратился уже в своей монографии «Основы психологии» (1935), он применял метод, который можно назвать реинтерпретацией (П. Рикер, А. Н. Славская). Эта процедура заключается в использовании идей автора таким образом, чтобы в них обнаружились новые аспекты, иногда противоположные самой авторской интерпретации. «В основе каждой значительной философской концепции, – писал С. Л. Рубинштейн, – как создающая ее сила лежит какая-нибудь основная тенденция и неотъемлемый момент истины, какой-нибудь основной и сам по себе необходимый мотив и интерес мысли. Но идеи, их выражающие, реализуясь в часто неадекватном круге мыслей, которые они встречают на своем пути, отливаются в формулы парадоксальные и антиномические, порождая различные и часто антагонистические системы философии» (С. Л. Рубинштейн. О философской системе Г. Когена).

Вторым способом было использование – особенно по отношению к марксистской концепции – эзоповского, но не языка, а принципа (примером чего служит статья, посвященная

⁵ См. статью С. Л. Рубинштейна в кн. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.

юбилейной дате работы В. И. Ленина «Материализм или эмпириокритицизм», что создавало у читателя положительную установку к оценке ленинских идей, на самом же деле в этой статье содержалась имплицитная критика ленинского понятия «материя»). Наконец, Рубинштейн прибегал и к такому стилю изложения, при котором его собственное понимание приписывалось Марксу...

Основная же содержательная трудность построения собственной концепции заключалась в необходимости преодоления тех философских теорий человека, которые выдвигались на протяжении истории философии и, в частности, в ранних рукописях К. Маркса, а также в том, чтобы представить философскую антропологию на онтологической основе, т. е. предложить не абстракцию человека, а человека в его бытии и раскрыть сущность последнего, связанную с бытием человека в Мире.

Если идти вспять – т. е. от второго тома к первому, учитывая, что идея последнего у автора уже была, оттачиваясь и зрея на протяжении всей его жизни, – можно понять, как сумел Рубинштейн онтологизировать психику, доказать ее объективность, введя человека, субъекта как основание этой онтологизации, как того, существующего объективно, кому она принадлежит. «Идеи (понятия), – пишет С. Л. Рубинштейн, – не возникают помимо познавательной деятельности *субъекта*, образ не существует вне отражения мира, объективной реальности *субъектом*» (с. 42) (курсив мой. – К. А.). Итак, первым ходом онтологизации психического является введение субъекта и его *познавательной деятельности* (вместо двух абстракций – объект = вещь – образ), вторым – введение самой познавательной деятельности во взаимодействие субъекта с миром. Сложность этой модели субъективного, идеального в том, что она диалектична: оно зависимо и одновременно независимо от субъекта (оно независимо от него соотносительно с отражаемым в нем объектом, оно зависимо от субъекта, поскольку получено в его познавательной деятельности). В познавательной деятельности оно преобразовано субъектом. Однако развернуть этот ход мысли Рубинштейн в полной мере пока еще не мог. Здесь он лишь намечает эту идею: «Детерминированность, – пишет он, – распространяется и на субъекта, и на его деятельность... субъект своей деятельностью участвует в детерминации событий... цепь закономерностей не смыкается, если выключить из нее субъекта, людей, их деятельность». Поэтому он избрал другой способ, связанный с критикой в его адрес по поводу «Основ общей психологии». Она состояла в том, что он якобы утверждал двойную детерминацию психики: миром и мозгом. В качестве прямого опровержения этой критики им выдвигается *новая формула детерминации психического*.

Эта новая формула была одновременно немислимо смелым радикальным изменением общепринятого в философии понимания детерминации как причинно-следственного отношения. Рубинштейн определяет детерминизм как диалектику внешнего и внутреннего: внешнее не является причиной, определяющей или созидающей внутреннее, а внутреннее не является его следствием. Внутреннее как онтологически «самодостаточное», объективно существующее *преломляет* внешние воздействия и т. д., *согласно своей собственной специфической сущности*. Удивительно, что при огромной сложной и новизне идей, представленных в «Бытии и сознании», вряд ли доступной даже квалифицированному психологу, формула Рубинштейна – «внешнее через внутреннее» – очень быстро вошла в «обиход» психологической науки. О ней писали, на нее ссылались. Но не стоит обольщаться этим фактом, поскольку, по-видимому, стремление к лозунгово-тезисным, простым формам и формулам, присущее общественному сознанию того времени, было свойственно и психологическому сознанию. Вся глубина этой формулы раскрывалась постепенно десятилетиями по мере развития самой психологической науки, уровня ее исследовательской культуры и мышления. Эта специфическая сущность внутреннего = психического проявляется в активности, избирательности по отношению к внешнему в соответствии со своей собственной «логикой». Нетрудно заметить, что психика обладает, согласно Рубинштейну, той же «способностью»

осуществлять качественные изменения по отношению к внешним воздействиям, что и деятельность, но последняя осуществляет их реально, а психика и сознание – идеально.

В двух разделах «Бытия и сознания» С. Л. Рубинштейн раскрывает специфику природы сознания как идеального и субъективного. Эти определения на первый взгляд кажутся исключаящими возможность их онтологизации. Согласно официальной философской ленинской парадигме, идеальное лишь отражение материального, а свойством объективности обладает только материя.

Материю же Ленин, как говорилось, определил по критерию внеположности сознанию. Как же может быть объективно сознание, особенно если признать его субъективность как противоположное объективному? Ключом к решению этого сложнейшего вопроса является преодоление общепринятого противопоставления субъекта и объекта. Рубинштейн считает, что это противопоставление справедливо лишь для гносеологического отношения. Следовательно, сознание, психика имеет не только гносеологический характер. О ее онтологической сущности свидетельствует и естественнонаучный подход к психике, который связывает ее с природными основами.

В «Бытии и сознании» субъективное впервые в истории философской и психологической мысли признается в своем *онтологическом* статусе, признается в своем «праве» на существование. Во-первых, он достигает этого упомянутым отказом от ленинской формулы, противопоставляющей материю и сознание, и введением в заглавие книги понятие «бытие». Во-вторых, С. Л. Рубинштейн отказывается от того распространенного в психологии тезиса о невозможности определения самой психики и сознания, о необходимости ее изучать через *проявление* в чем-то ином объективном (например, в деятельности) или как *производное* от чего-то иного (например, согласно И. П. Павлову и следовавшему его методологии Б. М. Теплову, от высшей нервной деятельности). Мера того, насколько за психикой и сознанием отрицалось право на объективное существование, проявилась прямо, в неопубликованном, но, вероятно, застенографированном большом докладе П. Я. Гальперина (соратника А. Н. Леонтьева), высказавшего суждение, что психика есть то, что мы сами из нее сделали. До этого она является *tabula rasa*.

Поэтому Рубинштейн избирает в «Бытии и сознании» способ доказательства объективности существования психического, *сближая* его со всеми явлениями мира, имеющими специфические закономерности, но согласно трактовке предмета физики и химии, принадлежащими к материальному миру. Штудирова труды А. Д. Александрова, П. Л. Капицы, А. Н. Колмогорова по физике и математике, относящиеся к области точных наук, Рубинштейн искал аналоги подходов к природе психического как, с одной стороны, совершенно уникального явления, на которое, с другой стороны, распространяются всеобщие закономерности бытия. Парадоксально, что в методологии и философии был забыт кризис физики начала века, когда открытие более глубоких свойств физических явлений привело к философскому выводу «материя исчезла!». Иными словами, проблема определения природы психического как идеального и субъективного и трудности их определения были связаны всего-навсего с натуралистическим пониманием материи, имплицитно с отождествлением материи с неживой природой. Естественно, было забыто, уж казалось бы должное выступать как законодательное, несколько фривольное выражение К. Маркса: «Стоимость тем и отличается от вдовы Квикли, что ее нельзя пощупать».

Поэтому свою систему доказательств объективности психического Рубинштейн и начинает с таких простых аналогов, которые были бы понятны тем, кто подразумевал под материей физические предметы, тела, камни и т. д. Он использует для доказательства онтологической, т. е. объективной природы психического, ее связь с мозгом, закономерностями высшей нервной деятельности, так как эти связи одиозно использовались для сведения психики как высшего к низшему, для уничтожения ее специфики, т. е. строит свое доказатель-

ство на парадоксе. И говоря о взаимодействии в бытии, он обращается именно к физическим простым примерам воздействия одного тела, предмета на другое, чтобы показать, что природа подвергающегося воздействию столь же объективна, как и природа воздействующего, что изменение температуры или иного тела зависит не только от уровня воздействующей на него температуры окружающей среды, но и от его собственной температуры. Он обращается к закону Бойля – Мариотта для того только, чтобы показать, что психическое, так же как и все явления в мире, имеет свои собственные внутренние *закономерности* (внутренние в смысле специфические) и через эти закономерности преломляются, ими опосредуются внешние воздействия, что сказывается в общем эффе́кте взаимодействия. Здесь Рубинштейн фактически предлагает определять психику не только как отражение реальности – она противодействует оказываемым на нее воздействиям, вступает с ними в активное взаимодействие. Хотя в принятом официальной марксистской философией понятии отражения и подчеркивался, и раскрывался его «незеркальный» характер, но отраженное все же оставалось производным, вторичным по отношению к объективному воздействию.

Однако, сближая психическое со всем объективно существующим в мире для доказательства его объективности, он одновременно раскрывает его уникальность и специфичность. Последняя заключается в показанной Рубинштейном многокачественности психического, его многомодальности. Строго говоря, не только сферы неживой природы, каждая представляющая единство в своей качественной определенности, но и высшие сферы бытия – бытие человека – этика, искусство и т. д. обособлены в силу своей внутренней монолитности, гомогенности. Соответственно каждая из наук обретает свою специфичность в силу качественной определенности тех областей бытия, которые она изучает. Но психология оказалась наукой о многокачественной, разномодальной сфере бытия. Раскрытие этого обстоятельства представляет одну из фундаментальных проблем, решенных Рубинштейном. Само обнаружение этой проблемы уже было огромным достижением, доступным лишь уму, способному к интеграции, каким обладал Рубинштейн. Но кроме экспликаций – указания на комплексность объекта психологии, он должен был найти ту особую формулу – собственно философского уровня, посредством которой можно было бы репрезентировать и объяснить этот комплексный характер объекта психологии. Эта формула сегодня настолько вошла в обиход, что как бы потеряла свой необыкновенный поразительный по своей оригинальности смысл. Суть ее такова: в разных системах связи с другими явлениями (системами) психическое выступает в разном качестве. Эта, с одной стороны, *эпицентрическая* формула, одновременно, – с другой – содержит принцип *полицентризма*.

Эта формула просматривается и в проанализированных выше определениях объективности субъективного, идеального. Психическое в одном отношении – к миру – обнаруживает качество идеального, относительно независимое от субъекта (знания, идеи), субъективного – отношение к субъекту, преобразованность субъектом. И тем не менее все эти разные качества, которые, согласно Рубинштейну, нельзя отождествлять друг с другом, могут рассматриваться в более широком контексте, в более фундаментальном отношении субъекта, человека – к миру. Согласно этой формуле, в одном качестве психическое связано с общественным бытием людей, их отношениями, в другом – оно является субъективным, идеальным образом мира, в третьем – связано со своими природными основаниями, прежде всего высшей нервной деятельностью мозга.

Итак, объективность психического доказывается многими способами: косвенно как отражение (образ) объективного мира, более непосредственно как объективная способность субъекта к познавательной деятельности, поскольку последняя объективно необходима для практического взаимодействия субъекта с миром, и, наконец, как сходного, родственного всему, существующему в мире, начиная от физического, предметного в прямом смысле слова. Но объективность психического специфична – а специфичность ее многокачественна.

Психическое как внутреннее – избирательно, активно в отношении к внешнему как эпицентрическое, как полицентрическое оно многокачественно, многомодально – в одной системе связей оно является образом мира, в другой – проявлением закономерностей своей природной основы, и в третьей – регулятором деятельности – и познавательной, и коммуникативной, и практической, и вся эта многомодальность производна от онтологического основания психики, сознания – субъекта.

В трактовке же принципа детерминизма, явившегося способом доказательства объективности субъективного и раскрытия его специфики, Рубинштейн намечает его новую перспективную конкретизацию. Недостаточно определять сущность детерминизма только в рамках соотношения абстракций внутреннего и внешнего как чистых абстракций, хотя эти абстракции реально связаны с взаимодействием. В его понимании детерминизма включена идея перекрещивания и пересечения разных воздействий и взаимодействий. Этот аспект детерминизма раскрывается Рубинштейном при анализе процесса познания, на первых этапах которого выступает нерасчлененный эффект разнообразных взаимодействий разных явлений, модальностей. И лишь по мере «работы» познания по расчленению этого синкрета и выявлению «вклада» каждого из взаимопереплетенных воздействий, явлений, восстанавливаются сущностные соотношения разных детерминант. Это «работа» обобщения, включающая преобразование, отвлечение от несущественных, приводящих обстоятельств и факторов.

Принципу детерминизма в его рубинштейновской трактовке свойственна та же иерархичность, многоуровневость, которая присуща самому бытию.

«От ступени к ступени, – пишет С. Л. Рубинштейн, – изменяются соотношения между внешним воздействием и внутренними условиями, через которые они отражаются (преломляются. – К. А.). Чем „выше“ мы поднимаемся – от неорганической природы к органической, от живых организмов к человеку, – тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним» (с. 12—13). И эта особенность детерминации обозначается им особой формулой «о соотношении „выше“ и „ниже“ лежащих уровней организации бытия». В их соотношении прослеживается все тот же принцип качественных превращений. «Ниже» лежащие уровни, имеющие, например, природные закономерности, проявляются в *новом* преобразованном закономерностями «выше» лежащего уровня качестве. «Выше» лежащие – более сложные – обнаруживают эффект своего действия на «ниже» лежащих уровнях. Мысль об иерархии уровней организации по критерию «простоты – сложности» перекрещивается здесь с идеей о соотношении уровней по критерию «общее – специфическое». Эти критерии различны, но принцип «преломления» действия закономерностей одного уровня организации через другой – высший или низший – является другим выражением все той же идеи детерминации во всей ее сложности и многоаспектности.

Следует добавить, что у Рубинштейна присутствуют два различных значения понятия «ниже» лежащего уровня, особенно когда он говорит о нем как о более общем по отношению к специфическому. Дело в том, что под «ниже» лежащими закономерностями он понимает и те, которые составляют основание бытия, т. е. особенности человека, субъекта, как предельную систему абстракции, и те, которые представляют собой психофизиологический уровень по отношению к психическому.

Это говорит о том, что Рубинштейн рассматривает принцип детерминизма как бы в разных плоскостях: в иерархически-уровневой, в аспекте связи одной системы с другими (возможно однопорядковыми), при котором одна и та же моноцентрическая (единая) система в разных связях с другими системами обнаруживает разные, не влияющие друг на друга качества и закономерности. Наконец, самым сложным аспектом, который разворачивается уже в книге «Человек и мир», является принцип встроенности более частной системы качеств

в другую – более общую, в которой первая осуществляет определенную функцию⁶. Столь подробный анализ философско-методологического содержания «Бытия и сознания» является прологом к идеям, изложенным в «Человеке и мире». Различие этих трудов связано с тем, что в «Бытии и сознании» разрабатывается совокупность более конкретных собственно психологических проблем: проблемы личности, ее способностей, мотивации с точки зрения раскрытия специфически психологических механизмов и закономерностей их организации. При анализе трудов становится очевидным то, что еще в скрытом виде содержится в «Бытии и сознании». В «Бытии» Рубинштейн развертывает собственно психологический анализ проблемы *личности*, оговариваясь в самом начале, что ему ближе понятие *человека*. Эта оговорка имеет двоякий смысл. Первый подразумевает, что определяющим личность он считает ее этические, человеческие качества, которые, строго говоря, в отечественной психологии (за исключением А. С. Макаренко) остались в виде упоминаний о ее нравственном облике и задачах воспитания. Второй заключается в том, что в «Бытии и сознании» он придерживается уровня психологического анализа личности, тогда как в «Человеке и мире» переходит на уровень философского анализа человека.

Стоит напомнить, что Рубинштейн и Узнадзе еще в 1930-х гг. обращаются к проблеме личности с целью раскрытия ее психологической сущности и механизмов, тогда как в предшествующий период изучение личности – в основном – подменялось характерологией, а большинство современников Рубинштейна и Узнадзе изучали личность ребенка. Важнейшим в рубинштейновском понимании личности являлось то, что он с самого начала рассматривал ее не как абстракцию или феноменологическую данность (объект диагностики, ограничивающейся ее характеристиками в данный момент), а в деятельности и жизненном пути, т. е. в ее становлении, развитии, изменении. Далее он раскрывает систему отношений личности и ее сознания – к миру, к другому человеку и самой себе, глубоко прорабатывая в «Основах общей психологии» проблему самосознания личности. И наконец, в том же труде он предлагает модель личности, включающую «хочу» (мотивы, потребности), «могу» (способности), «я сам» (характер). Разумеется, что это более конкретный уровень определения личности, чем упомянутый выше, где личность прежде всего характеризуется сознанием, реализует в деятельности свою сущность. Все эти определения личности, содержащиеся в разных трудах Рубинштейна, должны быть суммированы для понимания его концепции в целом. В «Бытии и сознании» он более детально останавливается на следующих составляющих этой модели – способностях, характере, системе мотивов и воле, ставя акцент не столько на интегральной сущности личности, сколько на этих составляющих, чтобы проанализировать их механизмы. Совершенно оригинальным является доказательство того, что и способностям, и характеру присущ единый механизм *обобщения*, который традиционно оставался в сфере внимания психологов, разрабатывавших проблему мышления. Столь же нова постановка проблемы системного характера мотивов и их борьбы (сравнительно с традиционным рассмотрением мотива как некоей единицы, абстракции).

Самым существенным в анализе этих составляющих является раскрытие их *функционирования* в процессе функционирования личности, ее взаимодействия с миром, ее движения в жизненном пути. Здесь разработан – в отличие от структурно-статического функционально-динамический и в широком смысле слова генетический подход к личности и ее образующим. Она предстает не как абстракция, имеющая структуру, подлежащую измере-

⁶ Мы попытались воспроизвести этот принцип встроенности на анализе достаточно простого примера – движение человека, включаясь в действие, играет в нем определенную роль, тогда как действие, которому субъект придает определенный смысл, выражая свое отношение к чему-либо, в свою очередь «встраивается» в поступок. (Образный пример мы находим в одном из известных фильмов, где герой, трусливо уклоняясь от ответа на прямо поставленный вопрос, вместо того чтобы, скажем, уйти или ответить что-то неопределенное, вдруг достает из кармана яблоко и начинает его жевать. Действие замещает поступок – ответ на принципиальный вопрос.)

нию, а как сложная противоречивая функциональная система, механизмы которой складываются и изменяются в процессе функционирования.

Хотя идеи «Человека и мира» сложились давно, написанию книги предшествовало много раздумий. Одна из проблем, которую хотел решить С. Л. Рубинштейн, – написать книгу, доступную любому мыслящему человеку, не только философу или психологу. Поэтому первоначально он решил изложить свою философию жизни человека как автобиографию, чтобы рефлексией собственной судьбы раскрыть глубочайшие трудности становления личности субъектом. Однако, начав писать в таком жанре (в форме дневников, охватывающих даже период детства), Сергей Леонидович засомневался – не будет ли это нескромным, не заподозрит ли кто-то автора в гордыне... Другая проблема – «легальности», т. е. невозможности изложить в открытой форме запретные философские положения, также толкала на эссеистский способ изложения. Все эти «пробы» изложения оставались в дневниках. Между тем первая часть монографии, посвященная раскрытию онтологической концепции, казавшаяся менее запретной или более сложной для понимания, а потому обнаружения запретного, писалась легко, набело, сама собой выстраивалась в процессе написания. Однако тогда рукопись утрачивала цельность: первая часть адресовалась как бы только единицам, тогда как вторую часть он мечтал посвятить всем и каждому...

Отказавшись, наконец, от автобиографического замысла, Сергей Леонидович обращается к тому философскому духовному контексту, тем авторам, на чьи идеи и концепции он предполагал опереться. Стопки раскрытых на нужных страницах книг (преимущественно немецкая и французская философия) с пометками автора заполняют пространство кабинета. Сергей Леонидович работает над структурой 2-й части книги – он набрасывает не менее десятка планов. Напряженная работа то и дело прерывается болезнью. Но и в больнице, лежа, на крошечных листках записной книжки бисерным почерком, слабеющей рукой, он продолжает писать.

И одновременно происходит то, к чему он стремился: строго философская система начинает наполняться конкретным, живым, жизненным человеческим содержанием. Собственный жизненный путь и избранный способ жизни перед лицом кончины трагически осмысляются, рефлексиируются и приобретают характер всеобщности судьбы человека в мире, – его жизни в социуме как «оптимистической трагедии».

Смерть прервала работу – книга осталась в рукописи. Но когда я (К. А.), будучи уполномочена автором в качестве душеприказчика на завершение этой работы, сложила все составляющие, то из сложной рассыпанной мозаики выстроилась целостная композиция. Я взяла на себя лишь смелость из множества планов второй части составить некий обобщенный единый план и, в соответствии с ним и логикой авторской мысли, пополнила основной текст второй части дневниковыми записями. Для того чтобы понять всю концепцию, потребовалось ознакомиться с трудами Канта, Гегеля, Гуссерля, Кассирера, Хайдеггера и других философов, на книгах которых Рубинштейном были сделаны пометки.

Вся авторская концепция конспективно представлена в написанных Рубинштейном разделах «От автора» и «Введении». Но первая часть книги как абсолютно новая философская парадигма, интегрирующая онтологию и философскую антропологию, нуждается в комментировании, вторая же действительно прочитывается как философско-художественное, доступное пониманию любого человека произведение, глубоко волнующее поставленными в ней проблемами его жизни.

В противоположность всем философским течениям, либо раскалывающим бытие на материю и сознание, либо вообще подменяющим сознанием бытие, С. Л. Рубинштейн считает исходным *бытие*, в состав которого входят разного уровня различные *способы существования*, имеющие разную *сущность*. Центром и высшим уровнем организации бытия является человек, обладающий сознанием. Бытие с появлением человека выступает в новом

качестве, преобразованном его сознанием и деятельностью, включая в себя и предметы, несущие социальные значения, и субъектов, вступающих в определенные отношения. Это качество бытия Рубинштейн обозначает понятием «Мир». «Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, – пишет Рубинштейн, – но и о мире в соотношении с человеком как *объективном* отношении» (с. 7). На основе такой концепции, он предлагает пересмотреть существующие философские категории и раскрыть их новые значения.

Первое, что обращает на себя внимание уже во «Введении», – это особое, причем *расширительное* и для самой концепции Рубинштейна *употребление понятия субъекта*. В отличие от обозначения бытия только как существования или материи, он предлагает дифференцировать его состав и выделить разные способы существования, обладающие и движением, и разной *качественной определенностью*, которую Рубинштейн обозначает понятием *субъекта*! Очень важно для понимания его концепции то, что здесь – в онтологическом плане – понятие субъекта употребляется им *не только по отношению к человеку*, во-первых. Во-вторых, оно обозначает специфический способ организации, сущность, субстанцию, определенность, сохраняющуюся в процессе изменения и развития.

Как развиваются и конкретизируются философские положения, выдвинутые в «Бытии и сознании»? Прежде всего это касается принципа детерминизма. Если в «Бытии» в основном он оперирует понятиями внешнего и внутреннего, то здесь появляются другие понятия: «страдать», т. е. подвергаться воздействиям, и «действовать». Эти понятия образуются в силу соединения принципа детерминизма и принципа деятельности, который был выдвинут еще в 1930-х гг. Здесь Рубинштейн как бы отвечает на вопрос, может быть, не высказанный прямо, но возникший у читателя его последних трудов: отказался ли он от принципа единства сознания и деятельности и заменил его принципом детерминизма? Он не только не отказался, но на новом уровне осуществил их синтез. Причем очень важно обратить внимание на то, что фактически понятие «страдать» и «действовать» характеризуют только внутреннее, т. е. обозначают две его модальности, в одном случае связанные с внешним – пассивной, зависимой позицией, в другом – независимой от внешнего, активной, при которой, напротив, внешнее становится страдательным, т. е. подвергающимся воздействиям внутреннего. Это принципиальное переосмысление, переворачивающее сложившиеся в философском мировоззрении (особенно советского периода) убеждение, что человека детерминирует объект, внешний мир. Это убеждение официального марксизма происходило из двух источников: социологизации действительности, внешнего мира, поскольку он рассматривался на уровне абстракции отдельного человека – общественного индивида (а не философской категории человека); и гносеологизации, которая утверждала приоритет объекта, причем его отражение в сознании, присущее человеку по определению, оказывалось производным. Именно поэтому единственное понятие «деятельности», по своему смыслу подчеркивающее приоритет человека по отношению к изменяемому и создаваемому им миру, разрабатывалось преимущественно в психологии, а не философии. И когда на самых поздних этапах существования марксизма в России появился тезис о «всемогуществе» человека – его способности поворачивать течение рек, изменять все законы природы и общества – на самом деле он был оптимистическим коммунистическим мифом, несколько не связанным с основным содержанием марксистской философии, по существу придерживавшейся парадигмы зависимости, страдательности человека. Далее Рубинштейн объединяет с принципами детерминизма и деятельности принцип развития, который был одним из основополагающих в его трудах 1930–1940-х гг. Следует сразу отметить: несмотря на то что диалектический материализм включал развитие в число своих категорий, в силу того, что определяющей была категория «материи», развитие чаще всего конкретизировалось в *двух* направлениях – как «движение», присущее разным формам материи (т. е. сводилось фактически к понятию физики, раскрывающему физическую организацию материи, к ее свойству) или как переход

количественных изменений в качественные. Рубинштейн напрямую высказывает критику второго (с. 36), считая количественные и качественные закономерности *разнопорядковыми*, «ортогональными» (как говорится в психологии). Впервые он опровергает равенство категорий «движение» = «развитие». Развитие он связывает с разными уровнями организации бытия, на каждом из которых проявляется диалектика «изменения» (развития) и «сохранения» (пребывания, идентичность качественной определенности). Активный характер этого процесса он подчеркивает понятием «*восстановления*», «*воспроизведения*» («восстановление, воспроизведение общего внутри изменяющегося», с. 23). Этот принцип развития имеет смысл сопоставить с разработанным им в «Основах» понятием функционирования, которое свойственно всем уровням организации живого. Но в «Основах» он еще разделял структуру и ее функционирование, считая, что, чем выше уровень развития, уровень организации, тем большую роль по отношению к структуре, которая на низших уровнях является детерминирующей, начинает играть функционирование, оказывающее обратное влияние на структуру и выступающее у человека в качестве «деятельности». Здесь же соединяются ранее разобщенные понятия структуры и ее функционирования с понятием «способа функционирования» = «способу существования». Понятие «*способа*» фактически идентично *качественной определенности* той или иной *сущности*.

Конкретизируя последнее понятие, Рубинштейн детально в новом качестве рассматривает понятие субстанции, которое в традиционном философском понимании представлялось скорее как неизменная статичная структура, чем сущность. Субстанция, согласно Рубинштейну, – сущность, обнаруживающая себя в явлениях, осуществляющая специфическое преобразование внешних условий (ср. деятельность), будучи итогом прошлого развития и обладая возможностью будущего развития. Здесь развитие связывается с категорией времени, анализу которой Рубинштейн, так же как категории «пространства», далее уделяет специальное внимание (особенно трактовке времени бытия на уровне человека).

Итак, суммируя, можно выделить следующие аспекты его определения сущности:

- способ существования (зависящий от особенностей разных субъектов);
- причина самой себя (способности причинения – ср. деятельность);
- причинность как *процесс* причинения;
- *качественная* определенность;
- воспроизводство (= «самодетельность» – понятие, философски интерпретируемое Рубинштейном).

В «Бытии и сознании» Рубинштейн вводит новую формулу принципа детерминизма как само собой разумеющуюся, не сопоставляя и не противопоставляя общепринятому (не только в марксизме) пониманию детерминизма как причинно-следственной зависимости. В новом труде он рассматривает и последнюю, предлагая свою трактовку этой связи.

Во-первых, он рассматривает причину как действующую на саму себя, «в самом себе», как действие причины внутри нее самой, как «инерцию» в широком смысле слова.

Во-вторых, он учитывает «цепи» причинения и причинных связей.

В-третьих, причину он понимает не только как вещь, но как процесс, а следствие – как выход движения, сначала происходящего внутри причины, вовне, как процесс обособления, который затем может быть рассмотрен в виде относительно законченных этапов, звеньев единого процесса. Кроме прямой, он рассматривает обратную связь – влияние следствия на причину.

Действие следствия на причину выступает в двух формах: 1) изменение самой причины и 2) изменения условий ее действия. Причем обратная связь осуществляется также в двух направлениях: 1) изменение причины следствием и, наоборот, 2) сохранение, поддержание постоянства причины.

И далее он предлагает учесть принцип многоуровневости детерминации, что соединяется с идеей «Бытия и сознания», где рассматриваются разные уровни организации системы (систем) и их взаимодействия. Действие разных уровней детерминации порождает многочисленность причин, их сложнейшую связь, возможность перекрытия действия одной причины действием другой, возможности проявления в следствии интегрального результата, а не суммы отдельных причин и т. д. Здесь фактически принцип детерминизма соединяется с системным подходом, который в 1970-х гг. был сформулирован и разработан Б. Ф. Ломовым.

Самый существенный момент развития новой формулы детерминизма сформулирован в предложении: «...следует различать действие причины, порождающее эффект опосредованно через внутренние условия (состояние объекта), и действие причины, выражающееся в форме внутренних условий (свойств и состояний) субъекта» (с. 29). В обоих случаях речь идет о внутренних условиях, но в одном – как связанных с воздействием внешних, в другом – как совершенно независимых от них (самопричинение, самодетерминация).

Возвращаясь к сопоставлению трактовки принципа детерминизма в «Бытии» и «Человеке», надо отметить, что в последнем труде эта трактовка, обогащенная категориями деятельности (ср. «самодеятельность» – термин самой первой статьи С. Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности», 1922) и развития, «переворачивает» местами внешнее и внутреннее. Если в «Бытии» анализ отправляется все же от внешнего воздействия, а внутреннее восстанавливается в своих «правах» как имеющее свою специфику («внутренние закономерности»), онтологию, наконец, как активно воздействующее на внешнее, то здесь автор отправляется от внутреннего, раскрывая его следующие модальности:

- «страдательность» как способность и возможность подвергаться воздействиям;
- «преобразование внешнего по законам внутреннего» = «задача» внутреннего как сущности, как особого способа существования;
- причина самого себя;
- способность *причинения* (= «действия», воздействия на внешнее);
- способность развития = воспроизводство своей сущности, качественной определенности.

Интересно, что если в «Бытии» Рубинштейн обращается сразу к своей новой трактовке принципа детерминизма (следуя своему эзоповскому принципу, предлагая его как нечто само собой разумеющееся), то в «Человеке» он не столько напрямую сопоставляет свою и традиционную трактовки детерминации, сколько по-своему интерпретирует ее традиционную формулу. Во-первых, причина отождествляется с внутренним; во-вторых, общий эффект нескольких совместно действующих причин не равен сумме действия отдельных причин; в-третьих, не только причина порождает следствие, но оно – по принципу обратной связи – изменяет, но (что крайне важно) не саму причину, а условия ее действия, благодаря чему возникают новые действия исходной причины; изменение же следствия происходит при изменении причины или условий ее действия. Таким образом и традиционная причинно-следственная связь обогащается: а) принципом *развития* – изменения (под влиянием друг друга или независимо друг от друга причины и следствия); б) обратными соотношениями; в) плюрализмом, проявляющимся в рассмотрении не одной, а *множества* причин.

И ниже Рубинштейн выскажет еще одно кардинальное положение об особых «точках» в пространстве перекрещивания различных причин. Можно предположить, что эта мысль близка, но только с другого угла зрения, сформулированному в «Бытии» положению о разных качествах той или иной сущности, проявляемых ей в разных системах связей. Раскрывая преимущественно роль внутреннего по отношению к внешнему (и его «природу» – специфику саму по себе), Рубинштейн наделяет его двумя основными способностями: способностью «страдать» и «действовать», свойственными сущностям (субстанциям) различных субъектов. Повторяем, что здесь понятие «субъект» связывается с активностью внутреннего

по отношению к внешнему, с его качественно специфической субстанцией, сущностью, но еще не со спецификой человека. Разная качественная определенность присуща разным способам существования на разных уровнях организации бытия.

После обоснования основных онтологических принципов – приоритета бытия по отношению к сознанию как сознанию человека, включающегося внутрь бытия; детерминизма, деятельности и развития – Рубинштейн проводит анализ категорий, раскрывающих способ организации бытия на его разных уровнях. Продолжая линию, начатую в «Бытии и сознании» о неправомерности раскрытия категорий сознания и материи в контексте гносеологического отношения, он вводит как более общую (и вместе с тем обладающую своей спецификой) категорию «природы». Как это ни парадоксально, введением человека в состав бытия Рубинштейн должен был бы (казалось бы) раскрыть категорию природы как производную и зависимую от человека. Но он в порядке альтернативы вышеприведенному марксистскому (точнее, советскому) тезису о способности человека изменить природу и общество, рассматривает природу не как «материал» для производства, фабрику и контору, но как становящуюся из себя особенную (мы бы сказали нерукотворную) сущность. Но вместе с тем, следуя законам диалектики, Рубинштейн критикует сведение природы к материи, осуществляемое марксизмом, именно потому, что в таком случае материя становится объектом физического объяснения и отрывается от общественно-исторического способа существования человека. Кроме того, он прямо критикует тезис диалектического материализма о переходе количественных изменений в качественные: «...выделение качества из накопления количественных различий, – пишет он, – наследие декартовского механицизма и гегелевского идеализма в диалектическом материализме» (с. 36). Уже придя к этому выводу, именно в «Бытии и сознании» Рубинштейн не употребил для названия книги понятие «материя».

В связи с характеристикой природы Рубинштейн еще раз возвращается к своему принципиальному тезису о том, что если материи присуще движение, то на высших уровнях организации (да и применительно к самой материи) правомерно говорить не о движении, а о *способе существования*. Понятие способа существования дает возможность соединить сущность с ее бытием, существованием. И, утвердив этот тезис, Рубинштейн обращается к выявлению особого соотношения человека и природы. Если на уровне общественного, исторического способа бытия ему присущ деятельностный, преобразующий действительность способ существования (в качестве субъекта деятельности и познания), то на низшем уровне человек также выступает в качестве природного существа, он *внутри* природы. Однако и внутри нее он связан с ней отношением, которое Рубинштейн обозначает отношением наивности, невинности, непосредственности. Природность, как мы предполагаем, считал Рубинштейн, присуща и самому способу существования человека, и его сознанию. «Сознание... тоже включается одним своим аспектом в природу... как бы „опускается“ в природу» (с. 39). Тем самым ограничивается ленинское положение о противоположности сознания и материи как объективной реальности, существующей независимо от него (справедливое только для гносеологического, но не онтологического отношения). Сама природа как качественная определенность обладает в соотношении с человеком двумя свойствами: это свойство ее гармоничности, упорядоченности, спокойствия, служащее основой эстетического отношения к ней человека, и, в известном смысле противоположное – ее стихийность, а потому неожиданность, сопротивляемость, вызывающие у человека необходимость *борьбы* с ней. В состав природного Рубинштейн включает не только неодушевленную природу, но и другого человека и природные связи между людьми (мать и дитя). Как мы увидим из раздела, посвященного собственно философской антропологии, т. е. человеку, природные основы человека проявляются в его чувственности (не в узком фрейдовском, а в самом широком смысле), в его способности не прагматически, а *созерцательно* отнестись к окружающей природе, в

его восприятию как соприкосновении с природой (и особенно в эстетическом как единстве восприятия и переживания).

Раздел, посвященный категориям времени и пространства, очень фрагментарен, но чрезвычайно важно ранее данное определение (в разделе о природе и материи) времени и пространства как «форм существования» сущего и принцип выделения специфики времени и пространства на разных уровнях бытия (данный принцип развертывается в виде схемы, не совсем полной, скорее как пример, иллюстрация его). Важнейшим в определении этой проблемы Рубинштейном является, во-первых, применение категории пространства к человеческой жизни, что снимает ограниченность ее понимания только в связи с материей, предметностью, и во-вторых, постановка задачи раскрыть специфику времени – пространства человеческой жизни. Время, по Рубинштейну, в самом глубоком смысле связано со структурой и спецификой разных процессов, включая специфику жизни человека. Рубинштейн возражает и против субъективистской трактовки восприятия времени в психологии, и по существу – против сведения всей проблематики времени человека к восприятию объективного времени, к проблеме психологии восприятия, тем более к его трактовке как кажимости (с. 42). Субъективность восприятия производна от объективной позиции субъекта, его соотношения с действительностью. Он, прямо не полемизируя с экзистенциализмом, против философского определения времени жизни через ее конечность (смерть), особенно сартровской трактовки жизни (бытия), определяемой через соотношение со смертью (не-бы-тием). Напротив, бытие определяет небытие, поскольку отрицание сущего частично, парциально, не тотально. Конкретизацию проблемы времени человеческой жизни он дает позднее – в своей антропологической концепции.

Следующие большие разделы посвящены проблеме соотношения бытия и познания, мышления и его логической структуры. В «Бытии и сознании» Рубинштейн еще только намечает онтологический подход к гносеологической проблеме, причем преимущественно в связи с предметом психологии, здесь он реализует этот подход как собственно философский. Если в «Бытии» он выявляет специфику идеального и субъективного как общие модальности, качества психического, то в «Человеке и мире» он детальнейшим образом рассматривает сам процесс познания, который марксистской гносеологией и предшествовавшими ей гносеологическими концепциями был априорно абстрагирован от субъекта познания, поскольку для них была принципиальна внеположность субъекта и объекта.

(И если даже познавательный процесс включался в диалектическое взаимодействие с объектом, то это было не взаимодействие *субъекта* и объекта, а взаимодействие сознания, познания с объектом.) Если в «Бытии» Рубинштейн рассматривает соотношение логического и психологического еще внутри гносеологического отношения, то в «Человеке и мире» он дает принципиально новую трактовку познания с позиций онтологии и *антропологии*. Сначала он, развивая определение сущности в чисто онтологическом ключе показывает момент раздвоения явления на имеющее онтологическое определение, т. е. связанное с взаимодействием реальностей, действительности, и на собственно гносеологическое. «Необходимо различать явление как сущее и познание этого явления сущего познающим субъектом» (с. 44). «Быть и являться – это достоверность Бытия», – пишет он, раскрывая онтологическую природу явления. «Восприятие и действие (жизнь) человека выступают как взаимодействие двух реальностей» (с. 43). Далее для познания возникает вопрос, *что* нечто есть, который идеализм пытается перевести в сомнение, что нечто *есть*.

Неисчерпаемость явления познанием, сохранение в нем скрытого содержания свидетельствует также о том, что объект мысли не сводится к мысли об объекте. «Это значит, что само отражение выражается в онтологических категориях явления бытия для другого» (с. 47). Чрезвычайно важным тезисом, содержащимся в двух последних трудах является именно проблема несводимости объекта мысли к мысли об объекте. Этот тезис проводится и в рас-

крытии природы идеального как знаний, результатов процесса познания в «Бытии», и в критике кантовской и гегелевской концепций в «Человеке и мире», и в концепции соотношения имплицитного и эксплицитного в обоих трудах. Философско-антропологический подход к познанию еще раз рассмотрен в конце второй части «Человека и мира», но уже здесь (в первой части) при рассмотрении процесса познания введена категория труда как его *источника*: не нужно длительных доказательств, насколько это положение расходится с ленинским тезисом о практике только как критерии истины, т. е. завершающего *итога* (конца) познавательного процесса. И в целом философско-антропологическая онтологическая концепция познания Рубинштейна, преобразуя, «снимает» распространенную и глубоко проникшую в психологию официальную марксистскую теорию «отражения», которая передовыми философскими умами 1960–1970-х гг. корректировалась и по-новому трактовалась тщательно, но не выводилась за рамки исходной постановки вопроса, абсолютизовавшей гносеологическое отношение и гносеологию. Чтобы яснее соотнестись с этой традицией, прочно вошедшей в философское сознание, можно, следуя Рубинштейну, сказать, что противоположность субъекта и объекта, правомерная, согласно марксизму-ленинизму, только в рамках гносеологического отношения, даже в этих рамках – *неправомерна*. А само гносеологическое отношение не может быть определено вне онтологического рассмотрения соотношения человека и бытия, Бытия и как бытия человека, и как Мира для человека, и как природы.

Подводя итоги, можно сказать, что основой философско-антропологической концепции Рубинштейна является рассмотрение человека внутри бытия и утверждение его трех отношений к действительности – познавательного, созерцательного и действенно-практического. Развивая этот фундаментальный тезис Рубинштейна, мы полагаем, что познавательное отношение идеально преобразует объект (моделирование и т. д.), созерцательное – сохраняет его в его собственной природе, а деятельное – преобразует объект, создает новые предметы, отвечающие потребностям человека.

Итак, можно сказать, что Рубинштейн реализует свой онтологический подход, раскрывая содержание всех философских категорий, о которых выше шла речь. Самой общей оказывается категория сущего, интегрирующая бытие и многообразие различных способов существования, обладающих субстанциально различными сущностями, присущими субъектам развития, изменения, активности разного рода. Специфика категории бытия раскрывается через совокупность категорий бытия человека, действительности, материи, природы, мира, с присущими им временем – пространством и способами взаимодействия и совокупность принципов – детерминизма, развития, деятельности.⁷

Вторая часть труда предваряется введением, в котором намечены основные характеристики отношений человека к миру. Нужно специально остановиться на понимании Рубинштейном самой категории человека. Кроме трех вышеупомянутых его отношений к миру – познавательного, созерцательного и деятельного, здесь фактически вводится еще одно отношение, которое составляет содержание первого параграфа работы, – отношение к другому человеку. Сложность объяснения этой категории в том, что понятие человека на самом высоком уровне абстракции предполагает включение в него и понятия человеческого рода, и понятия общества, и понятия личности. Отношение к другому присуще, казалось бы, более конкретному уровню абстракции «человек». Но будучи определено (положено) на этом конкретном уровне, оно затем вбирается в самое философское определение человека в виде специального этического отношения. Можно ли сказать, что этическое отношение человека к миру (как включающему в себя, согласно Рубинштейну, других субъектов) входит в состав созерцательного отношения к миру? С одной стороны, казалось бы созерцательное отноше-

⁷ Нужно сказать, что представленная в заключении схема категорий не раскрывает всей глубины (и точности) их связей, имеющей место в тексте первой части работы.

ние к миру исключает (по данному выше определению) деятельное отношение к другим людям, но с другой, оно не исключает активного к ним отношения. Это и имеет в виду Рубинштейн, выступая против использования человека в своих целях, отношения к нему как функции (манипулирование и т. д.) и считая, что активным, отвечающим критериям человечности отношением к нему можно укрепить, «усилить» его сущность. В раскрытии сущности этического отношения человека к человеку Рубинштейн и возвышает статус этического, возводя его очень конкретное, являющееся огромной проблемой для человека содержание на уровень категории человека.⁸

Уже в «Бытии и сознании» он вводит понятие человечности, которое в «Человеке и мире» занимает едва ли не центральное место. Тезис о совершенствовании, самосовершенствовании, саморазвитии субъекта остается голой абстракцией, если не раскрыть, как это с потрясающей глубиной сделал Рубинштейн, решив задачу преодоления формализма в этике, что отнестись к другому как субъекту значит выработать, выстроить отвечающее принципу человечности отношению к нему. Этим снимается достаточно априорная категоризация двух взаимодействующих людей как субъектов. По-видимому, именно к трудности выявления и реализации этой задачи относится как бы вскользь высказанное суждение Рубинштейна: «Есть такие субъекты, которые не выдерживают испытания в своем притязании на этот ранг (субъекта), а есть другие, выдерживающие» (с. 54).

Эта фраза является ключом и к раскрытию другого, относящегося к сфере философской антропологии, содержания понятия «субъекта», отличного от вышеуказанного, расширительного. Идея обозначения качественной определенности различных способов существования в сущем как субъектов, расширительное употребление этого понятия не противоречит, а напротив, предполагает, что при раскрытии этой качественной определенности на уровне человека понятие «субъект» превращается в философско-антропологическую категорию, связанную со становлением человечности, духовности, сознательности человека.

Следуя идеям Рубинштейна (или независимо от них), Б. Г. Ананьев употребляет понятие субъекта в контексте человекознания для выявления качественной определенности *разных* форм (способов) его активности – субъект деятельности, субъект отношения и субъект познания. Эти понятия субъектов носят дифференциальный характер. Рубинштейн же в «Человеке и мире», не отказываясь от идеи развития личности в деятельности, т. е. выявления «механизмов» ее становления субъектом, считает, что это становление – по большому счету – не может быть ограничено способом деятельности, даже творческим. Не только в деятельности – основа возможности стать субъектом. Она в способности отнестись к другому как субъекту, которая требует решения сложных, с социальным контекстом и степенью его жесткости, этических проблем, которые очень конкретно рассматривает Рубинштейн. Это и проблема верности и жертвенности в изменившихся обстоятельствах жизни, проблема преодоления встречного негативного к себе отношения, и проблема любви (любви не только к «беленькому», но и к «черненькому»), и проблема Достоевского – стоит ли благо человечества одной слезы ребенка.

Множественность и трудность этих проблем определяется тем, что Рубинштейн рассматривает личность как субъекта жизненного пути. Эта тема сопровождала его всю его жизнь.

Это была Тема его жизни и его творчества. Он начал развивать ее еще в начале 1930-х гг. очень быстро вслед за Шарлоттой Бюлер (а может быть, и параллельно с ней), выдвинув-

⁸ В Институте философии Академии наук, философском центре страны, не было не только сектора этики, практически не употреблялось само это понятие, замененное «Кодексом строителя коммунизма», так же как понятия «онтология» и «философская антропология» употреблялись только в историко-философском контексте или критическом плане.

шей фактически новую парадигму в изучении личности в контексте жизненного пути. Эта тема отражается в первых «Основах» (1935), затем – в «Основах общей психологии» (1940; 1946).

Как уже отмечалось, концепция философской антропологии начала разрабатываться Рубинштейном уже в 1920-х гг. В философских рукописях (многие из них до сих пор не расшифрованы и не опубликованы) уже ярко очерчена идея человека как центра реорганизации бытия. Здесь – в последнем труде, завершающем жизненный путь и воплощающем вершину творческого пути, он, с одной стороны, включает человека «внутри», в состав всего сущего, доказывает его родственность всем уровням организации бытия, с другой – показывает его обособленность, осуществляемую через познание и деятельность, с третьей – раскрывает, как изменяется бытие, выступая в новом качестве «мира», с появлением человека как его высшего уровня развития. Эти основные координаты антропологической концепции построены удивительно четко и определенно при том, что сама концепция создается в контексте критического преобразования марксизма, с одной стороны, философии экзистенциализма – с другой.

Категория человека раскрывается Рубинштейном и на предельно абстрактном, и на конкретном уровнях. Причем на последнем в нее вбирается множество проблем, представивших наибольшую трудность для философской мысли. Это проблема человека, на уровне отношений человека к человеку, «я–другой», но взятая не просто как психологическая проблема общения, но как эτικο-философская проблема приоритета или равноправия «я» и «другого». Это проблема человека как субъекта жизни, рассмотренная в важнейших категориях последней – жизни и смерти как утверждения и отрицания, как соотношения трагического и оптимистического, позитивного начал в самой жизни (и отношений к ней человека), сплетенности добра и зла, соотношения прошлого, настоящего и будущего, соотношения индивидуального и общественного. Это проблема свободы и необходимости, ответственности.

Основными параметрами человека как субъекта жизни являются: 1) рефлексия как способность и сознания, и самого человека отнестись к жизни, преобразовать ее, выйти за пределы ее «ситуаций»; 2) ответственность как проявление серьезного отношения к жизни; 3) способность построить ее в соответствии с принципами человечности, совершенства, красоты; 4) мировоззренческие чувства (трагическое, ироническое, комическое и др.), также возвышающие человека над ходом и непосредственностью жизни, эмоционально и этически обобщающее соотношение в ней добра и зла; 5) этическое отношение к «ближнему» и «дальнему»; 6) способность к совершенствованию жизни, людей, самого себя.

В процессе раскрытия этих качеств человека как субъекта жизни Рубинштейн решает две фундаментальные проблемы: социально философскую проблему отчуждения и собственно философскую – отрицания, которые, строго говоря, являются двумя гранями единой проблемы – противоречий. В противовес постановке Марксом проблемы отчуждения в чисто социальном плане (средств и продуктов труда, эксплуатации и т. д.) он ставит ее как проблему отчуждения от человека его человеческой сущности, которая, несомненно, также связывается с характером общественных отношений, но для своего практического решения требует не только изменения последних (построения коммунизма, по Марксу), но этической нравственной переделки отношений людей в соответствии с принципами человечности. Этот ход мысли чрезвычайно важен для понимания самой сути философской антропологии: человек определяется не только через кардинальные отношения к миру – познание, деятельность и созерцание (этим еще не преодолевается абстрактность решения проблемы), но через противоречивые, требующие построения, разрешения связанных с противоречиями проблем отношения. Идея их противоречивости заложена в глубоко диалектической трактовке отрицания, которое ставит во главу угла экзистенциалистская антропология. Послед-

няя определяет жизнь через соотношение со смертью, ситуации жизни через их отрицание – выход из них, самого человека только через его «проект» (Сартр), т. е. только через будущее, а не как состоявшегося в результате прошлого в настоящем. Отрицание, по Рубинштейну, конструктивно, так как несет в себе утверждение, позитивное начало, порождение нового.

Идея неизбежной противоречивости человеческого бытия конкретизируется во всех вышеперечисленных его параметрах, которые вводит или рассматривает Рубинштейн. Отправляясь от категории эстетики – всеобщего обобщенного чувства (*Gesammtgefühl*), он вводит в философскую интерпретацию жизни новую категорию – мировоззренческих чувств, имея в виду несколько обобщенных чувств, составляющих палитру духовно-этического осмысления личностью своей жизни. В ней может преобладать одно чувство при наличии и других, составляющих эту палитру, из которых Рубинштейн более всего занимает чувство трагического – трагическое отношение субъекта к жизни. Это объяснимо из самого текста, в котором Рубинштейн анализирует условия, при которых его собственное отношение к жизни (или, скорее, она сама) приобрело бы трагический характер. Это понятно, поскольку жизнь ученого объективно была трагична. Но он разделяет объективную трагичность жизни и трагическое отношение к ней. Его отношение, несмотря на все, было оптимистическим (сознавая, что его жизнь была трагична, он находит подходящее выражение в названии известной в тот период пьесы – «Оптимистическая трагедия»). Истоки его оптимизма – в понимании смысла жизни как борьбы за строительство подлинно человеческих отношений в бесчеловечном обществе. Здесь в постановку проблемы человека подставляются очень конкретные значения – судьба человека в современном ему российском обществе.

Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что в трактовке и показе того, как могут быть разрешены проблемы отчуждения человека от человека, от общества, от собственной жизни Рубинштейн поднимает этику на уровень высшей антропологической абстракции. Она далека от понятий обыденного нравственного сознания, нравственных норм, морального воспитания и т. д., поскольку она предполагает достижение человеком вершины развития, если он присваивает свою человеческую сущность. Человек не берется как наличность, данность (как это часто имеет место в понимании психологии личности), даже не только как имеющий будущее (или отрицаемый будущей смертью), но рассматривается как становящийся, как тот, кто своими познанием, действием и созерцанием, разрешая противоречия жизни (или свое с жизнью противоречивое соотношение) одновременно становится ее подлинным субъектом. Очень важно подчеркнуть, что в отличие от распространившегося в отечественной философии и психологии понимания деятельности преимущественно как предметной, преобразующей предметный мир, Рубинштейн раскрывает способность деятельности – человеческих поступков – изменять объективное «соотношение сил» в жизни, в человеческих отношениях, составляющих ее важнейшее содержание и объективно поддерживать, изменяя к лучшему, другого человека. Этим ходом мысли и осуществляется онтологизация человека, его сознания, его духовности как объективно решающей силы. И в «Бытии и сознании» и в «Принципах и путях развития психологии» (1959) Рубинштейн шел, нащупывая кардинальное решение, к этой постановке проблемы. Там уже прозвучала тема интеграции психологии и этики. Но он понял, что интеграция должна осуществиться на более высоком – философском – уровне как интеграция философской антропологии и этики, как включение последней в сердцевину первой, как раскрытие способа достижения человеком своей сущности в жизни, а не только как философская констатация наличия этой сущности. Так подходит Рубинштейн к конечной цели своего исследования – формулировке сущности и задач подлинной этики, открывающей объективные закономерности человеческого бытия. В отличие от этики, строящейся на основе индивидуализма, субъективизма, погашающей все этические проблемы в проблемах самосовершенствования, рефлексии, рубинштейновская этика учитывает все объективные отношения человека к миру и другим людям, зако-

номерные отношения, складывающиеся в жизни, выявляет объективные возможности человека и на этой основе ставит вопрос об ответственности человека за свою жизнь, других людей, за свою человеческую сущность.

Читатель сам найдет, прочтет, поймет и примет все рубинштейновские решения, которые он предлагает для преодоления отчуждения от человека его сущности – и связь с Природой, и связь со Вселенной, и любовь к другому Человеку. Достижение этой сущности есть достижение свободы, которой уделила столько внимания современная Рубинштейну европейская философская мысль (Роже Гароди, Дьорд Лукач, Эрих Фромм, весь экзистенциализм, марксизм и др.). Его трактовка свободы учитывает и интегрирует все эти постановки проблемы, дискуссии, поиски. Он раскрывает ее сущность и в социально-философском ключе – как преодоление отчуждения, неподлинности жизни, и в социально-этическом, и в этико-философском, и в психолого-этическом планах. Свобода не как уход, не как голое отрицание, не как альтернатива необходимости, а как достижение человека, как итог его борьбы, ответственности, взятой им на себя добровольно за свою жизнь, за судьбы общества, науки, других людей.

Категория ответственности появляется уже в «Бытии и сознании», неожиданным образом связываясь не только с последствиями содеянного (как она всегда понималась и в нравственном, и в правовом сознании), но и с... упущенным. Стоит остановиться на этом блестящем повороте мысли, в формулировке которой как будто отсутствует субъект, но которая прямо указывает именно на него – на его потенциальные, данные ему объективно, но им не реализованные возможности. Если постепенно понимание ответственности смещалось в сторону поступков, действий, производивших негативный (прежде всего, подлежащий наказанию) результат, то здесь ответственность оказывается сердцевиной сущности личности, ее духовной жизненной силой, которую она присваивает и которая – в конечном итоге – и дает ей переживание своей субъектности, своей свободы. Тот, кто берет на себя ответственность сам, тот обладает возможностью сам же, в ее пределах и направлениях, контролировать, организовывать все свои действия, отношения, снимая тем самым внешний контроль, принуждение, обретает независимость, свободу. Свобода не есть только осознание необходимости, она есть преобразующее присвоение субъектом.

Действенность субъекта – это не только его действия по преобразованию окружающего, это преобразование и построение им своей сущности в процессе взаимодействия с жизнью, людьми, обществом и самой жизни, как адекватной этой сущности.

Преыдущее издание «Человека и мира» (1997) содержит ранее не публиковавшийся раздел «Этика и политика», посвященный теме, пронизавшей все размышления, все дневниковые записи С. Л. Рубинштейна. Прежде чем остановиться на ней, нужно выявить те основные линии отношения Рубинштейна к марксизму, о котором уже говорилось в начале, поскольку в ряде случаев он был вынужден говорить «от имени» марксизма. Об этом необходимо сказать прежде всего потому, что марксизм был противопоставлен (в известной степени самим Марксом, а затем и его продолжателями) всей предшествующей мировой философской мысли и заявлен как истина в последней инстанции (чем превратил себя в догму, не допускающую развития и тем самым вступил в вопиющее противоречие со своей собственной диалектической сущностью). Первая – это уже раскрытая выше линия *соотношения* его концепции как совершенно самостоятельной и марксизма (его онтология и философская антропология выросли не из марксизма, а явились результатом переосмысления всей мировой философской мысли, всех ее направлений, концепций, идей и их конструктивного преобразования (Аристотель, Платон, Декарт, Спиноза, Гегель, Кант и... Маркс). Вторая – это *отношение* Рубинштейна к марксизму, включавшее анализ концепции Маркса, направления ее конструктивного использования (прежде всего, диалектический метод) и различных интерпретаций марксизма. Третья – его *отношение* к советской марксистской философии,

разорвавшей на «лоскуты» теорию познания, теории общества и природы. Наконец, *отношение* к социальной практике и политике, идеологии, которая выросла на почве этой философии, т. е. тоталитаризму и его антигуманной сущности. Рубинштейн, благодаря уровню своего философского мышления, сумел осмыслить марксизм во множестве ипостасей, функций, различного характере влияния в разные периоды – весь спектр его ролей – от позитивных до глубоко догматических, идеологических, от гуманистических до античеловечных. Внимательный читатель, сопоставив все работы Рубинштейна, посвященные трудам К. Маркса (1930-х, 1950-х гг.) и текст труда «Человек и мир», дифференцирует первые три отношения и поймет их сущность (при эзоповском языке, некоторых умолчаниях Рубинштейн очень четко прочерчивает *свою* позицию). Требуется раскрытия лишь последний фрагмент. Его ценность не только в обращении гениального мыслителя к трагедии своего времени. Его ценность в поднятии социальных проблем на уровень философского осмысления и в открытии социально-этического способа их решения. Его ценность – в разделении практически реализованного способа общественной жизни и идеала, будущего, в нахождении той точки отсчета – в идеале коммунизма, – с позиций которой настоящее не выдерживает критики, в раскрытии его вопиющих противоречий. Он разрешил противоречия, жестко обнаружившие себя между политэкономической теорией К. Маркса, его теорией коммунизма, превращенной Лениным в теорию классового бояры, и практикой и идеологией социализма, превратившей идею освобождения человечества от эксплуатации в практику его социального принуждения и уничтожения. Замечательно, что, набрасывая эти строки, их автор не думал об их будущем, о возможности и путях их публикации, может быть, даже о последствиях, если их прочтет... враг. Тогда бы он оставил их навеки в Пантеоне своих раздумий. Он действительно чувствовал себя в эти последние дни своей жизни и не в Москве, и не в своем кабинете, даже не в пространстве науки, а в другом пространстве – Вселенной, о чем он писал в своей «Исповеди». Его последние мысли были выражением его гражданского и человеческого мужества.

Фактически, он не только раскрыл античеловеческую сущность тоталитаризма, *сталинизма*. Отрицание предполагало для него утверждение, которое содержалось во всем предшествующем смысле его труда – в необходимости бояры за человечность человека, общественных отношений, за раскрытие и реализацию *всех* его сущностных сил, заключенных в познании, в активности, в его природных способностях, в любви. Он высказал свое отношение к революции, неоднократно переосмыслявшееся им на протяжении жизни, начиная с юности, с дружбы семьи Рубинштейнов с Плехановым, с чтения еще тогда – в Марбурге – всей политической, литературно-философской прессы. Он дал ее анализ как явления российского и как общечеловеческого символа, идеала. Этим он поднял социальные, социально-экономические, социально-политические, практические проблемы до уровня их философской интерпретации, показал, как она осуществима. Он открыл метод построения системы конкретизирующих, вбирающих реальность абстракций. Этого искусства ее не достигала философская мысль.

Можно, занимая скептическую позицию, сказать, что Рубинштейн не репрезентировал систему категорий в своей онтологической концепции. Но он с предельной ясностью показал их связи, которые объясняются закономерными связями в самой действительности и способом-методом научно-философского обобщения и абстракции. Ключевая идея, позволившая Рубинштейну органично, а не декларативно соединить онтологическую концепцию (учение о бытии) и философскую антропологию (учение о человеке), – это радикально новая трактовка принципа детерминизма. Метод, основанный на принципе детерминизма и инкорпорированных в него принципах включения явлений в разные системы связей, в каждый из которых они приобретают и выявляют свою специфику и качественную определенность, принципе потенциального и актуального, раскрывающем временную интенциональ-

ную сущность, который был использован Рубинштейном при анализе места психического в мире и здесь в его философской антропологии, приобрел и реализовал все свое конструктивное операциональное содержание.

Поэтому можно смело утверждать, что в книге «Человек и мир» представлена целостная, завершенная концепция, впервые в истории философской мысли объединившая онтологию и философскую антропологию, которая вобрала в себя гносеологию (теорию познания), теорию деятельности, психологию и этику. Рубинштейн впервые представляет онтологическую концепцию бытия, включив в него субъекта, который получает не гносеологическое (связанное с противопоставлением субъекта и объекта), сводящее его к познанию и сознанию, а онтологическое же объяснение. Он определяет место человека в бытии (как субъекта его реорганизации), раскрывает единство его сущности и способа существования, его родственность всем субъектам других способов существования и качественных изменений определенного рода, одновременно его специфичность как высшего структурного уровня организации бытия, совокупность отношений человека к миру, природе, другому человеку как единство познавательного, созерцательного и деятельностного. Со всей присущей ему философской и научной эрудицией он проследил, как в истории философии и само бытие (материя, природа) и характеристики человека (познание, сознание, деятельность) были предметом анализа и интерпретации, но... в своем абстрактном, изолированном друг от друга качестве. Главное, они не рассматривались как способности человека (в результате чего и возник абстрактный антропологизм), а человек, в свою очередь, сводился к той или иной абстракции, вырывавшей его из бытия, заменялся ею. Центральной абстракцией, «вытеснившей» человека, оказалось его сознание, познание. Учение о бытии, материи, природе все больше становилось предметом не философского, а конкретно-научного объяснения (физики, естествознания), а тем самым все больше отрывалось от философской антропологии как учения о человеке. Только блестящее знание различных наук – математики, физики, химии, естественных наук, психологии и др. – позволило Рубинштейну проделать «обратный» путь, обобщив все их результаты и опираясь на них представить их в своей онтологической концепции. И синтез онтологии и антропологии он осуществил, идя от проблемы, поставленной еще марбургской и баденской школами – соотношения номотетического (точного) и идеографического (гуманитарного) знания. Он решил проблему, возникшую не только в истории философии, он вскрыл проблему, наметившуюся в философии советского периода 1940–1950-х гг., состоявшую в том, что учение об обществе постепенно обособилось от учения о познании, гносеологии, логики, теории отражения и от того философского направления, которое Ф. Энгельс назвал «диалектикой природы» (философских вопросов естествознания). Он раскрыл их связи через единство онтологического и антропологического и, одновременно, с позиций этого единства, вскрыл их противоречия.

На первый взгляд в труде «Человек и мир» (как и в «Бытии и сознании») мы видим традиционную для марксистской философии критику предшествовавших философских систем. Однако, по существу, эта критика ограничивается эпитетами, фактически же дается глубочайшая интерпретация и квалификация буквально всех поворотов историко-философской мысли, за которыми скрывается ее односторонность, заводившая в тупик, и абстрагированность от целого. Рубинштейн учитывает все позитивное содержание в радикально преобразованном качестве в контексте целостного решения проблемы. Все существовавшие в истории философские концепции человека охватывали, как правило, одну какую-либо его сторону: либо человек есть природа в духе классической философии истории, либо сознание, в понимании всех идеалистических теорий, либо решающей оказывается его связь с обществом в стиле современных социально-философских концепций, либо его отношение к (Божественной) природе и другому (общение) в религиозно-этическом ключе. Рубинштейн реализует монистический подход, прослеживает взаимосвязи разных абстракций и отноше-

ний. Нельзя сказать, что какая-либо из критик, осуществлявшаяся с позиций одной философской системы в адрес другой (включая советскую философию в период ее упоенной критики «буржуазной философии»), была философски непродуктивна, бессмысленна. Через отрицание всегда рождалось утверждение нового. Но до сих пор в истории философской мысли еще не достигалась сквозная критическая реконструкция *всех* философских систем на основе достижения такого уровня абстракции, который оказался конструктивным для интеграции всех качеств бытия и всех объясняющих его абстракций и интерпретаций. Включение идеи об особом способе существования человека как уровне развития бытия приводит к необходимости рассмотреть те категории, которые характеризуют бытие в целом и в их специфическом качестве на уровне человека.

Это конструктивное содержание труда более других непосредственно соотносится с экзистенциализмом. Анализ экзистенциализма осуществляется в историко-философском контексте. С одной стороны, экзистенциализм, подчеркивая категорию существования, противостоит тем этическим концепциям, которые переносят смысл существования по ту сторону реальной жизни (религиозно-этическим). С другой – экзистенциализм восстанавливает существование человека только для того, чтобы подчеркнуть чуждость ему его собственной сущности и невозможность обрести ее ни в чем, кроме смерти. Идеи одиночества, «брошенности» человека в мир наиболее характерно выражают экзистенциалистское понимание человека. С. Л. Рубинштейн противопоставляет этому пониманию прежде всего раскрытие сущности человека как деятельностного существа. Эту сущность он раскрывает одновременно в противоположность этическим концепциям, подчеркивающим страдательный пассивный характер человеческого бытия.

Особенно частая апелляция Рубинштейна к сартровской концепции вызвана тем, что Сартр «выращивает» свою философскую систему на почве психологии, взяв за основу антропологических абстракций индивида, «психологического человека», с его бессознательным, эмоциями, эстетикой – «субъекта наиболее конкретной реальности»⁹. Однако на этой конкретной абстракции не удалось построить монистической концепции познания, не удалось дать позитивного решения жизненной драмы личности. Она оказалась непригодной в качестве универсальной теоретической модели человека, вбирающей в себя все уровни и параметры человеческой жизнедеятельности, или единой теории бытия, как ее называет сам Сартр в феноменологической онтологии¹⁰. Рубинштейн доказывает принципиальную не единичность человеческого бытия, связь индивидуального «я» с другим, преломление в индивидуальном всеобщего – исторического, человеческого, общественного, связь человека с *человечеством*.

И вместе с тем эта раскрытая Рубинштейном связь индивидуального и общественного, личности и человечества дает ему возможность показать с потрясающей остротой проблемность судьбы и жизни личности, наличие в ней не только будущего («проекта», по Хайдеггеру), но проблем, противоречий, разрешая которые она только и достигает своей субъектности. Уже годы спустя после смерти Рубинштейна философский конгресс, состоявшийся в Брайтоне, констатировал «смерть субъекта» как чрезмерно абстрактной, не оправдавшей себя философской категории. Рубинштейн вернул категорию субъекта во всей полноте его философского содержания философии XX в., российской философской мысли, раскрыв его сущность с точки зрения практического, чувственного соотношения с бытием, он исследовал объективные особенности человека как субъекта. Это прежде всего его способность

⁹ Sartre J. – P. L'Être et le néant. – Paris, 1943. – P. 23. О его философской антропологии см.: Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. – М., 1977. – С. 193.

¹⁰ В издание 1997 г. впервые были включены фрагменты рукописи, посвященные Сартру.

реорганизации бытия¹¹, то, что с появлением человека вся действительность выступает в новом качестве «Мира» человеческих предметов и отношений. Эта способность впоследствии конкретизируется в трех отношениях человека к миру: познавательном, действенном, созерцательном (этическом отношении к другому человеку, эстетическом – к природе). Что же обозначает категория «мир» в концепции Рубинштейна? Кроме отмеченных выше созданных человеком предметов и их значений, отношений людей, он понимает «мир» как третью действительность, которая, однако, вопреки махизму, не субъективна, но является новым качеством природы, действительности в ее единстве с человеком, в своей преобразованности, сотворенности им. (Маркс, желая обозначить эту проблему, употребил понятие «второй природы».) Человек как субъект объективирует в мире свою человеческую творческую сущность и вместе с тем на каждом шагу вступает в противоречие с этой – уже обособившейся от него – действительностью – и так *становится* субъектом жизни как процесса непрерывного изменения и сохранения, отрицания и развития, добра и зла, жизни и смерти. Включение в этот процесс человека как субъекта не отменяет его объективного характера: субъект вносит объективные изменения в процесс жизни.

Категория субъекта оказалась имманентна российскому философскому сознанию. Однако, по-видимому, концепция Рубинштейна, будучи ровесницей первой половины века, намного опередила развитие в целом догматизированной (в силу жестокой необходимости) отечественной философии, несмотря на проявление в ней – по той же причине изолированных, обособленных, и в этом смысле абстрактных – глубоких и конструктивных идей. Специализация, дифференциация, характерная для науки середины века, проявилась и в философии, области которой лишь формально объединялись тезами диалектического материализма. Сегодня, когда достигли своего высокого развития методология системного и комплексного подходов, появляется уверенность в том, что будут глубоко восприняты вбирающие в себя множественность модальностей человека и бытия интегративные идеи С. Л. Рубинштейна.¹² Категория субъекта начала распространяться в философии и этике уже в 1960-1970-х гг., а затем усилиями школы С. Л. Рубинштейна фактически превратилась в новую парадигму психологии. Ее деятельностная парадигма, предложенная Рубинштейном в начале 1930-х, превратилась к концу века в субъектно-деятельностную. На первый взгляд эта судьба философской концепции Рубинштейна кажется парадоксальной – он сам, с такой последовательностью и мужеством борющийся за нее, то скрывая, то прямо отстаивая и в конце концов положившим на нее жизнь, успел воплотить лишь на бумаге, в рукописях, в дневниках. Он не мог инкорпорировать ее в современное ему философское сознание, мировоззрение, отравленные советской идеологией. Но ликвидация тоталитаризма, крах авторитаризма в России потребовали обращения (хотя бы как к идеалу, символу) к субъекту как выражению неистребимости российской потребности страдать и действовать – извечной проблемы Достоевского.

К. А. Абульханова, А. Н. Славская

¹¹ Эта способность субъекта была раскрыта еще в 1920-х гг. в неопубликованном рукописном труде Рубинштейна. Поразительно, что расшифрованная часть этих рукописей представляет собой своеобразный проспект «Человека и мира».

¹² Интерпретация философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна и попытки ее конкретизации и развития представлены в книгах: *Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. – М., 1989; Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. – М., 1989; *Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. – М., 1973; *Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. – М.; Воронеж, 1996; *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. – М., 1972; Психологическая наука в России XX столетия: Проблемы теории и истории. – М., 1997.

Биография С. Л. Рубинштейна¹³

Сергей Леонидович Рубинштейн родился 18 июня 1889 г. в Одессе. Его родители принадлежали к высокообразованным кругам российской интеллигенции. Содержание большой семьи (у Рубинштейнов было четверо сыновей) требовало от отца огромных усилий. Он был известным, очень популярным адвокатом, имевшим широкий социальный, экономический, юридический кругозор.

Мать Сергея Леонидовича сумела передать сыновьям все лучшее, что несла в себе культура XIX столетия. Сергей, с детства страдавший болезнью сердца, получил свое первое образование в семье – он блестяще знал мировую литературу, очень рано познакомился с русской и западной философией, увлекался математикой, свободно владел тремя европейскими языками, читал на греческом и латинском. Нравственно-этические проблемы, поставленные Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, Н. Бердяевым, очень рано стали для него проблемами жизненными.

Напряженный труд подорвал здоровье отца, и Сергей стал духовной, нравственной опорой семьи, помогая матери разрешать свалившиеся на ее плечи жизненные трудности. Проведенное дома детство, судьба семьи, оказавшейся в одиночестве в мелкобуржуазной процветающей среде, затем отказ царя на его прошение учиться в университетах России как лицу еврейского происхождения и вынужденный отъезд в Европу для обучения в университетах Германии – все это наложило отпечаток на его личность. Очень рано он осознал всю серьезность жизни, став старшим в семье, взяв на себя большую ответственность, пережил горечь одиночества, а с ним – привычку самостоятельно справляться с трудностями.

Неизгладимое впечатление на его мировоззрение оказала смерть Л. Толстого, через осмысление которой он подошел к осознанию трагической невозможности построить жизнь по своему замыслу, противоречию этического и реальной жизни.

Мир его философских и научных размышлений не поглотил его, не увел от реалий жизни, которые он также очень рано стал осмыслять не только житейски, но философски, этически.

В двадцать лет он уезжает в Германию, где в университетах Берлина, Фрайбурга и Марбурга с 1909 по 1913 г. изучает философию, социологию, математику, естествознание, а также логику и психологию. Кроме подлинно энциклопедического образования, Сергей Леонидович творчески овладел, чтобы затем блестяще применять на протяжении всей жизни, методом, методологией – «логикой» организации знания, способами его получения. Он научился применять философские конструкты в качестве методологии научного познания. Основным предметом разработки и дискуссий марбургской школы была проблема метода – задача синтеза наук о духе и наук о природе (естественнонаучных знаний, математики, физики и т. д.). Его учителями были крупнейшие представители неокантианства: Герман Коген и Пауль Натторп.

Однако, освоив присущую культуре искусства мышления, Сергей Леонидович не стал ни последователем своих учителей, ни продолжателем марбургской школы. Досконально овладев гегелевским и кантовским методами, он специально посвятил свою первую кандидатскую (по старым критериям – докторскую) диссертацию проблеме метода («К про-

¹³ Сведения о среде, к которой принадлежала семья Рубинштейнов, содержатся в ценной статье С. С. Дмитриева, посвященной анализу жизненного пути младшего брата Сергея Леонидовича – известного историка Николая Леонидовича Рубинштейна. Многие биографии С. Л. Рубинштейна, принадлежащие его ученикам, можно найти в книгах: Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологической науке. – М., 1989; *Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. – М., 1989, а также Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Материалы. Воспоминания. – М., 1989.

блеме метода»), в которой сумел преодолеть рационализм гегелевского мышления, формализм и априоризм Канта и неокантианства и извлечь жемчужину диалектического метода и как философского и как научной методологии. Применив гегелевский метод и концепцию познающего субъекта для преодоления основной формалистической парадигмы марбургской школы, он по-новому поставил проблему методологии познания.

Это не помешало ему оценить, специально посвятив статью педагогическому таланту Когена, способ его мышления, его искусство воспроизводить перед слушателями самый акт, рождение подлинной мысли.

После возвращения в 1913 г. в Одессу он берется за скромный труд преподавателя психологии и логики в гимназии, решает трудные проблемы материального положения семьи, отказавшись от блестящих предложений возглавить любую кафедру философии и логики в университетах Европы.

Поворотным моментом в его судьбе стала встреча с Н. Н. Ланге – известным русским психологом, возглавившим в то время кафедру философии и психологии в Одесском университете. Н. Н. Ланге способствовал приглашению С. Л. Рубинштейна на свою кафедру, избрав его в 1919 г. доцентом. С. Л. Рубинштейн начинает читать курсы лекций по теории познания, логике, психологии, философским основам математики, теории относительности Эйнштейна. После смерти Н. Н. Ланге в 1922 г. он возглавляет кафедру, уделяя огромное внимание и методам преподавания, и в целом организации и реорганизации образования на Украине. Педагогическая деятельность Рубинштейна и не оставлявшая его на протяжении всей жизни забота о научных кадрах основывались на понимании того, что преподавание есть прежде всего обучение искусству мыслить, в чем он навсегда остался верен своему учителю Когену. Творчество Рубинштейна приобретает своеобразный многоуровневый характер – философский пласт сохраняется как самый глубинный, как источник методологических и теоретических идей в психологии, но на первый план выходит только к концу жизни в 1950-е гг.

Однако период творческого расцвета и успешной деятельности очень быстро прерывается конфликтом с дореволюционной профессурой, протестовавшей против его преподавания теории относительности Эйнштейна, диалектической и материалистической философии, против самих методов его преподавания. К середине 1920-х гг. Рубинштейн вынужден отказаться от руководства кафедрой, чтения лекций и перейти на должность... директора Одесской публичной библиотеки¹⁴. Но это свое первое поражение Сергей Леонидович сумел превратить в беспрецедентную возможность получить время и условия для продолжения, расширения своего образования. В подвалах Одесской публичной библиотеки он за короткое время знакомится с современным состоянием мировой психологии, история которой была ему известна из истории философии. Он использует свою должность для поездок в Европу и знакомства с первыми экспериментальными лабораториями, встреч с представителями разных школ психологии.

Таким образом, если первый период его научной деятельности, датируемый 1911—1923 гг., – это этап его становления как философа, открывающего «технология» (выражаясь современным языком) философского и научного мышления, способами сравнения и синтеза различных знаний, искусством абстракции и обобщения, то второй этап (1925—1935) – это период его становления как психолога, в качестве которого он уже и заявляет о себе оригинальной, построенной на реконструкции методологии К. Маркса, концепцией деятельности. В отличие от многих ученых, первые этапы научной жизни которых были периодами исканий и заблуждений, Рубинштейн удивительно рано достигает зрелости – совокупность раз-

¹⁴ За этим конфликтом стояли гораздо более серьезные причины и фигуры.

работанных им в 1920-е гг. идей насыщена столь глубоким содержанием, которое составляет перспективу на всю дальнейшую жизнь, образуя непрерывную линию творчества.

С трудами К. Маркса, их первыми переводами в России и оригиналами за рубежом Сергей Леонидович познакомился очень рано. Но извлечь из теории Маркса не ее политэкономическое и тем более не социальное, а собственно философское содержание, он смог только определив основные координаты собственной концепции. Над этой концепцией он работал с начала и на протяжении всех 1920-х гг., изложив ее в философской рукописи, лишь ничтожную часть которой удалось опубликовать. (Только ретроспективно можно понять, что если бы в этой рукописи содержался «пересказ» идей Маркса, что в те годы было сверхактуально, она с успехом была бы опубликована, как это происходило со всеми обращениями к Марксу, цитатами и ссылками на него в этот период «переработки психологии на основе марксизма»; очевидно, что она содержала совершенно оригинальную философскую систему.) Абрис, конспект этой системы мы нашли в до сих пор не опубликованных четырех тетрадях С. Л. Рубинштейна, материалы которых датируются 1910-м и последующими годами. Данный текст носит частично реферативно-аналитический характер. Но уже в них построена концепция философской антропологии, в центре которой – не идея субъекта познающего (как у Гегеля), а идея субъекта существующего и деятельно реализующего в мире свою сущность¹⁵. В этой работе он систематически разрабатывает принцип субъекта и его творческой самостоятельности, впоследствии преобразованный им в качестве методологического принципа психологии (и названный впоследствии деятельностью подходом).

В 1930 г. судьба С. Л. Рубинштейна опять резко меняется благодаря встрече с ленинградским психологом М. Я. Басовым, пригласившим его в Ленинград, где вначале он работал заместителем директора Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, а затем стал заведующим кафедрой психологии Пединститута им. А. И. Герцена. Это десятилетие жизни С. Л. Рубинштейна, с одной стороны, было, вероятно, наиболее оптимальным с точки зрения его собственного жизненного и творческого пути и одновременно трудным – как продолжение выпавших и на его долю, и на долю многих советских психологов испытаний. В начале 1930-х гг. он публикует свою концепцию сознания и деятельности в статье «Проблемы психологии в трудах К. Маркса» (1934) и первую монографию «Основы психологии» (1935). Эти работы содержат интерпретацию системы идей, заключенных во впервые опубликованных в 1927—1932 гг. ранних рукописях К. Маркса. В данный период Рубинштейн заявил о себе как психолог. Краткая характеристика обстановки в отечественной науке начала 1930-х гг. в целом и психологии в частности позволяет понять, насколько закаленным вступает в эту науку сорокалетний Рубинштейн, прошедший лучшие годы жизни в подвалах библиотеки. От его статьи 1934 г. и «Основ психологии», начало написания которых приходится на 1931 г., исходит впечатление спокойствия, уверенности, убежденности.

В этот период определяются задачи, совокупность решения которых поставила его на особое место в психологической науке 1930-х гг. и сделала в принципе уникальной его роль в психологии. Первая – разработка методологии психологии как фундамента построения науки нового типа, представляющей собой не описательное, а объяснительное знание. Вторая – создание системы психологии как науки, которая включила бы и все критически переосмысленные достижения мировой психологии и одновременно опиралась бы на отечественные эмпирические исследования. Третья, непосредственно вытекающая из второй, – задача раскрытия и преодоления кризиса психологической науки.

Предпосылкой успеха решения этих грандиозных задач служат не только энциклопедические знания (и философская эрудиция) Рубинштейна, с которыми он вошел в психоло-

¹⁵ Выдержки из этих тетрадей впервые опубликованы в книге «Сергей Леонидович Рубинштейн. Очерки. Материалы. Воспоминания». – М., 1989.

гию, но прежде всего его способность предложить принципиально иной подход к решению проблем психологии, отнестись к ним методологически критично, в то же время используя все позитивное. Впервые в жизни он выходит из научного одиночества и приступает к новому, коллективному способу организации науки. Циклы экспериментальных исследований, которыми С. Л. Рубинштейн руководил и которые регулярно освещал в Ученых записках Института имени Герцена, являются не только исследованиями нового типа, описывающими психологическую действительность, но – принципиально новым методом, объединяющим в себе «единство воздействия и изучения». Под руководством Сергея Леонидовича кафедра психологии этого института становится крупным научным, организационным центром, осуществляющим интеграцию разных направлений советской психологической науки. В связи с обширными исследованиями мышления и речи он устанавливает научные контакты с Ленинградским институтом языка и мышления; формируя естественнонаучную базу психологии, – он обращается к оригинальной физиологической концепции Ухтомского.

В этот же период Рубинштейн приступает к созданию своего первого фундаментального труда по психологии, ее «Основ». Назначение и форму этой книги невозможно понять, не раскрыв тех задач, которые он ставил перед собой. И в совокупности задач воспроизводства науки как целого в качестве основного звена в этот период он выделяет задачу подготовки кадров психологов на методологической философской основе. Закладывая теоретические основы психологии будущего, он берет на себя ответственность за подготовку кадров. Поэтому его «Основы психологии» (1935) – не философско-психологический трактат, а прежде всего учебник для будущих психологов, обобщающий опыт теоретических и эмпирических исследований предшествующего периода.

Не дожидаясь выхода в свет этого учебника, он садится за написание следующего – «Основ общей психологии». И если первые «Основы психологии» все годы, прошедшие с момента их издания, служили единственным учебным пособием в университетском преподавании психологии, то новая книга «Основы общей психологии» становится средоточием научной жизни всей советской психологии – учебной, организационной, исследовательской. В этом труде он (как отмечается в одной из рецензий) впервые всесторонне и обоснованно представил психологию как относительно законченную систему в свете материалистической диалектики: «В этом труде профессор С. Л. Рубинштейн по существу подвел итоги развитию советской психологии за 25 лет... и наметил новые пути ее дальнейшего плодотворного развития на основе марксистско-ленинской методологии... Выдающиеся научные достижения профессора Рубинштейна в области теоретической разработки психологической науки нашли свое блестящее применение в целом ряде областей (языкознании, искусстве)...» В многочисленных рецензиях на книгу как на «выдающийся труд», отмечается, что она представляет собой «коллективный опыт советских психологов», где «впервые обобщается опыт советской науки», благодаря чему мы видим психологию как советскую науку, «как новый этап в развитии этой науки вообще». Работа над «Основами общей психологии» заканчивается в 1940 г.

«Уже с самого начала войны Рубинштейн проявил большое личное мужество, добровольно оставшись в осажденном Ленинграде для того, чтобы в качестве проректора организовать работу пединститута в тяжелейший период вражеской блокады. В первую, самую трудную блокадную зиму 1941—1942 гг. он работал над новым, дополненным изданием своих „Основ“ (оно вышло в свет в 1946 г.)»¹⁶. Рубинштейн принимает активное участие в организации обороны города, в помощи населению, научным работникам. Вместе с другими ленинградскими психологами он организует консультационную помощь делу обороны Ленинграда, разработке системы маскировки контуров архитектурных памятников, делу

¹⁶ См. в кн.: *Брушлинский А. В.* Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологии. – М., 1989.

радиолокации. Он готовит информацию для командования о концепции Е. Крюгера об особенностях психологии фашизма, опираясь на свое знание лейпцигской школы. В 1942 г. он назначается командиром специального эвакуационного состава, вывезшего из Ленинграда большую группу ученых. Проявленные им героизм и мужество отмечаются правительственными наградами.

Таким образом, ленинградский период включает не только разработку С. Л. Рубинштейном основ психологии как нового типа знания и нового способа его организации в научную систему, но его применение и использование в конкретных исследованиях мышления, памяти, речи, проводимых его сотрудниками с 1931 г. до начала войны. На протяжении этого периода Рубинштейну удается реализовать оптимальную организацию научной работы, когда эмпирическая часть исследования и его теоретическое осмысление осуществляется силами коллектива, разделяющего его идеи и концепцию. Ему удается апробировать такой способ осуществления исследования, при котором достигается единство теоретических и методологических стратегий и эмпирических методов и процедур. Трудно переоценить значение создания такого капитального труда, как «Основы общей психологии» (1940), в котором представлены и обобщены все теоретические и эмпирические достижения мировой психологии.

Одним из важных методологических стержней этого труда становится рассмотрение психики, сознания и личности с позиций принципа развития. В труде Рубинштейна раскрываются в единстве все существующие аспекты развития: от исторического и онтогенетического до жизненно-биографического. Система психологии разрабатывается и представляется через иерархию все усложняющихся в деятельности психических процессов и образований, включая личность в качестве высшего уровня. Сама деятельность субъекта также рассматривается в процессе ее становления и совершенствования: на разных этапах усложнения жизненного процесса деятельность принимает новые формы и начинает строиться по-новому. Принцип единства сознания и деятельности выступает в «Основах общей психологии» в конкретизированном виде. Раскрытие их единства осуществляется в аспекте функционирования и развития сознания в деятельности. Проявление сознания в деятельности есть одновременно развитие сознания через деятельность, а также его формирование.¹⁷ Генетически последовательные стадии развития получают свою качественную определенность не в зависимости от их случайно складывающегося соотношения, а во взаимодействии с действительностью. Применительно к человеку это и является формированием сознания в деятельности в зависимости от активности субъекта деятельности. На основе принципа единства сознания и деятельности Рубинштейн дает методологическое определение природы психики как единства отражения и отношения, познания и переживания, гносеологического и онтологического. В этой же работе Рубинштейн дает развернутую характеристику сознания как высшего уровня организации психического. Он раскрывает сознание через диалектику индивидуального и общественного, показывает его соотношение и с общественным сознанием, и с реальным бытием индивида. Сознание выступает как регулятор деятельности, осуществляя три взаимосвязанные функции: регуляции самих психических процессов, регуляции отношений субъекта к миру и регуляции деятельности как целостного проявления субъекта. Сознание, таким образом, выступает как высшая способность действующей личности.

По переезде в Москву Рубинштейн снова оказывается поставленным перед задачей организационно-теоретической интеграции психологии, но уже в качестве директора Института психологии АПН СССР. Одновременно он создает кафедру психологии в Московском

¹⁷ Высоко оценили концепцию Рубинштейна, ее деятельностно-генетический аспект Б. Г. Ананьев, А. Р. Лурия и другие психологи в отзывах, данных по поводу представления «Основ общей психологии» (1940) на Государственную премию.

государственном университете им. М. В. Ломоносова и приглашает А. Н. Леонтьева, А. Р. Лурию, ученицу К. Левина Б. В. Зейгарник, П. Я. Гальперина и др. Трудно переоценить роль этой кафедры в деле подготовки отечественных психологов, теперь психология могла опираться на разработанные С. Л. Рубинштейном основы психологии. Научные исследования, развернутые на кафедре, непосредственно смыкались с подготовкой новых кадров, образуя целостный цикл развития и воспроизводства психологической науки.

В 1943 г. С. Л. Рубинштейн избирается членом-корреспондентом Академии наук СССР, что означало признание роли психологии как самостоятельной науки. У него возникает замысел создания нового современного психологического института, в котором можно было бы реализовать теоретически и эмпирически новые принципы психологического познания, которые оказались несовместимы с эмпирическими челпановскими традициями. В 1945 г. ему удается сделать первый шаг к достижению этой цели – создать сектор психологии в Институте философии АН СССР. Своих учеников С. Л. Рубинштейн ориентирует на изучение истории отечественной психологии, психологического наследия И. М. Сеченова, линия которого им постепенно восстанавливается. Сам Рубинштейн, завершив в середине 1940-х гг. подготовку второго издания «Основ общей психологии», продолжает методологическое осмысление проблем мировой психологии, осуществляет анализ основных направлений американской и западно-европейской психологической мысли, определяет дальнейший курс развития отечественной психологии, ее первоочередные задачи.

В 1940-е гг. под влиянием требования войны начинается становление связи психологии и практики. Одной из важнейших практических проблем, вставших в этот период перед психологами, оказалась проблема восстановления трудо- и боеспособности после ранений. Рубинштейн уделяет огромное внимание этим работам, поддерживает развитие на их основе нейрофизиологии (исследования А. Р. Лурии), теоретически осмысляет данные, полученные в результате нарушений деятельности мозга, процессы реабилитации и компенсации. Проведя в «Основах общей психологии» анализ основных направлений развития советской психологии, ее прикладных и специальных отраслей (детской, педагогической и т. д.) Рубинштейн разрабатывает теоретические основы и практические формы интеграции ее направлений. «По его проекту в Институте философии (Волхонка, 14) построены специальные изолированные помещения для проведения экспериментов с помощью новейшей экспериментальной аппаратуры, полученной по репарациям из Германии. Он надеялся на базе этого Сектора организовать в будущем институт психологии АН СССР» (А. В. Брушлинский).

В этот период перед ним открывается возможность интеграции теоретического и эмпирического уровней науки (методологии, теории, эксперимента), обеспечения единства ее функционирования и воспроизводства. Благодаря научным контактам в Академии наук, ему удается следить за методологическим и теоретическим развитием проблем языкознания, физиологии, биологии, физики, т. е. Поддерживать высочайший уровень компетентности как методолога науки. Несмотря на изолировавший страну «железный занавес», Рубинштейн оставался одним из немногих психологов, который считал жизненно важным сохранить связь отечественной науки с мировой психологической наукой и продолжал неуклонно работать в этом направлении, включая и личные научные контакты с известными зарубежными учеными, общественными деятелями¹⁸. В этот период Рубинштейн уже завершил работу над следующей книгой «Философские корни психологии», в которой давался глубокий методологический анализ и прослеживались тенденции развития мировой психологической науки, ее современное состояние, направление семантики, философии языка и многие другие. Он

¹⁸ В качестве председателя научного комитета Всесоюзного общества культурных связей с заграницей Рубинштейн встречается и переписывается с крупными европейскими и американскими учеными, литераторами и т. д. В их числе: Р. Роллан, А. Шафф, Д. Лукач, в 1950-е гг. он знакомится с Ж. Пиаже, Э. Кентрилло, ведет переписку с А. Валлоном, П. Фрессом.

обращается к осмыслению философско-психологических проблем, перед которыми остановилась советская наука 1940-х гг., пытаясь рефлексировать ее противоречия и трудности. Рубинштейн ставит перед собой очередную задачу разработки методологической основы, дающей теоретическую самостоятельность психологии в период невозможности отстаивания организационной самостоятельности официальной науки.¹⁹

«В 1947 и 1948 годах начались гонения на Рубинштейна и многих других советских ученых. Его обвинили в космополитизме, в преклонении перед иностранщиной, в недооценке отечественной науки и культуры. Был рассыпан набор его новой книги „Философские корни психологии“» (М.: Изд-во АН СССР, 1947).

Разгромной критике и осуждению были подвергнуты его «Основы общей психологии», вновь опубликованные со значительными дополнениями в 1946 г. Если первое издание (1940) этого фундаментального труда стало для Рубинштейна подлинным триумфом, то второе оказалось почти катастрофой. Книгу осудили как космополитическую, а ее автора сняли со всех постов. Начались бесконечные грубые проработки в газетах и журналах, на заседаниях в Институте философии, в Институте психологии, в МГУ, на общем собрании АПН РСФСР, в пединститутах и т. д. В апреле 1949 г. был подписан приказ об освобождении Рубинштейна от обязанностей заведующего кафедрой психологии МГУ. На дверях аудитории, где должен был читать лекции Рубинштейн, часто вывешивался плакат «Долой космополита С.Л. Рубинштейна!» Заведующим кафедрой психологии вместо Рубинштейна стал Б. М. Теплов, а после его ухода с этого поста по личной просьбе – А. Н. Леонтьев (с февраля 1951 г.)²⁰. В том же 1949 г. Рубинштейн перестал быть заведующим созданного им сектора психологии в Институте философии. От Рубинштейна требовали, чтобы он, во-первых, сам подал заявление об уходе с работы из Института философии АН СССР и, во-вторых, чтобы он в печати признал свои космополитические ошибки. Он долго отказывался, но в 1949 г. все же был вынужден написать такое заявление об уходе с работы «по собственному желанию». Однако президент Академии наук СССР С. И. Вавилов настоял на том, чтобы ему разрешили остаться в Институте философии в качестве старшего научного сотрудника. (А. В. Брушлинский).

Хотя гонения на Рубинштейна не кончились, он упорно и систематически работал над новой философско-психологической рукописью «Бытие и сознание», продолжая его, рассыпанную в верстке, книгу «Философские корни психологии».

Рубинштейн в своей книге «Бытие и сознание» (1957) разрабатывает принцип детерминизма как ключевой для философии, психологии и самой социальной жизни метод, решая задачи психологии не только в философском, но и в социальном и мировоззренческом контекстах. На основе предложенного им принципа детерминизма он дает философское обоснование роли внутреннего как ведущего в соотношении с внешним, применяя это положение для отстаивания самостоятельности психологии и специфики ее предмета.

Уже в работах 1920-х гг. Рубинштейн употребляет соотносительные понятия внешнего и внутреннего, которые позднее появляются на страницах «Основ общей психологии». В конце 1940-х гг. он уже вплотную приступает к исследованию проблемы детерминации психического. Одной из важнейших методологических особенностей новой формулы детерминизма было преобразование ложно поставленной философской проблемы: либо психически материально, и тогда объясняется только физиологически, либо оно идеально, тогда его сущ-

¹⁹ С периодом гонений на крупных ученых непосредственно связана сессия Академии наук и Академии медицинских наук СССР, названная Павловской. Во время Павловской сессии фактически всем психологам было предложено заменить предмет психологии предметом физиологии высшей нервной деятельности, тем самым был взят курс на ликвидацию психологии как науки.

²⁰ Сведения о кадровых перемещениях психологов в МГУ хранятся в университетском архиве и частично опубликованы его учеником А. М. Матюшкиным.

ность постигаема только за пределами материального мира. Рубинштейн поставил проблему детерминации как диалектико-материалистического объяснения применительно к разным уровням организации материи, разным уровням бытия, включая общественное бытие человека.

Таким образом, развивая свою философско-психологическую теорию деятельности, он формулирует философский принцип детерминизма (внешние причины действуют только через внутренние условия) начиная с середины 1940-х гг. («Философские корни психологии»). Рубинштейн получает возможность опубликовать эти результаты только после 1955 г.

Преобразование человеком (в ходе деятельности) окружающей действительности и самого себя Рубинштейн анализирует на основе упоминавшихся выше категорий «бытие» и «объект». Деятельность, по Рубинштейну, определяется своим объектом, но не прямо, а лишь опосредованно через ее внутренние, специфические закономерности (через ее цели, мотивы и т. д.). Формула Рубинштейна о преломлении внешнего через внутреннее вошла в самые основы психологической науки в очень короткий период, однако после опубликования книги «Бытие и сознание», понятие внутреннего не сразу было воспринято во всей его методологической глубине, диалектике всеобщего и конкретного. Рубинштейн разрабатывал понятие внутреннего не только применительно к психическим явлениям, но определил принцип детерминизма как принцип качественно усложняющихся зависимостей внешнего и внутреннего на разных уровнях бытия. Формула Рубинштейна открывала доступ к объективным исследованиям таких характеристик психики, которые прежде выступали предметом философского объяснения, особенно существенных для высших уровней психики – сознания и личности.

Период творчества С. Л. Рубинштейна 1950-х гг. делится на два этапа: первый представлен тремя широко известными книгами «Бытие и сознание» (1957), «О мышлении и путях его исследования» (1958), «Принципы и пути развития психологии» (1959), второй – не опубликованной при жизни и увидевшей свет только через 13 лет после смерти автора рукописью книги «Человек и мир». Первый этап представляет собой разработку методологических и конкретно-научных проблем психологии, второй – обращение к собственно философской проблеме человека и ее отстаивание как центральной проблемы человеческой жизни и перспективы развития гуманитарных наук. Этот этап его творчества является последней главой его жизни и трагической судьбы. Он скоропостижно скончался 11 января 1960 г. на семьдесят первом году жизни.

О личности С. Л. Рубинштейна – гения и борца – можно написать труд, не меньший по объему, чем «Человек и мир», но этот труд еще ждет своего автора, поскольку он требует высшей степени глубины, мудрости и человечности. Поэтому на сегодня самым живым его портретом являются его собственные обобщения жизни, раскрытия ее противоречивости, трагичности и та парадигма человека как ее субъекта, которая стала вершиной его творчества.

Бытие и сознание

Глава 1

О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира

К постановке проблемы

Пытливая, ищущая мысль человека, проникая со все возрастающей страстью и успехом в глубины мироздания, познает материальный мир в его бесконечности – в большом и малом, постигает строение атома и Вселенной, решает одну за другой проблемы, которые на каждом шагу ставит перед ней природа. Эта пытливая, ищущая мысль человека не могла не обратиться и на самое себя, не могла не остановиться на вопросе о взаимоотношении мышления и природы, духовного и материального. Это основной вопрос философии. Различное его решение разделяет идеализм и материализм – главные направления, борющиеся в философии. Теоретическая значимость этого вопроса очевидна.

Но вопросы большой теории, правильно поставленные и верно понятые, – это вместе с тем и практические вопросы большой значимости. По-настоящему видеть крупные теоретические проблемы – это значит видеть их в соотношениях с коренными вопросами жизни.

Вопрос о связи психического с материальным, о зависимости психического от материальных условий – это вопрос не только о *познаваемости*, но и об *управляемости* психических процессов. Решение вопроса о зависимости того или иного протекания психических процессов от объективных условий определяет пути формирования, направленного изменения, воспитания психологии людей. Правильно поставленные вопросы познания мира в конечном счете связаны с задачами его революционного преобразования.

Подобно тому как две линии, незначительно отклоняющиеся друг от друга в исходной точке, чем дальше, тем все больше расходятся, и небольшое вначале отклонение от верного пути в теории неизбежно разрастается по мере продвижения от исходных вопросов теории в жизнь, в практику. Поэтому отстаивание верной линии в коренных вопросах теории становится делом не только научной добросовестности, но, в конечном счете, и моральной, политической ответственности за судьбы людей. Так относились к коренным вопросам теории основоположники марксизма. К этим вопросам надо относиться именно так, и только так. Иначе не стоит к ним подступаться вовсе.

Психические явления, как и любые другие, связаны со всеми явлениями жизни, со всеми сторонами и свойствами материального мира. В различных связях они выступают в разном качестве: то как рефлекторная высшая нервная деятельность, то как идеальное в противоположность материальному или как субъективное в противоположность объективному. Чтобы всесторонне и верно раскрыть природу психического, надо исходить не из абстрактно-всеобщего понятия психического, с самого начала односторонне фиксируя его в том качестве, в каком оно выступает в одном каком-нибудь отношении (например, как идеальное в противоположность материальному или субъективное в противоположность объективному), надо обратиться к конкретному изучению психических явлений, взять их во всех существенных связях и опосредствованиях, выявить разные их характеристики и соотнести эти характеристики в соответствии с объективной логикой тех связей и отношений, в которых каждая из них выступает. Таков отправной пункт подлинно научного исследования,

единственно возможный для того, чтобы преодолеть различные «точки зрения», произвольные в своей односторонности.

Психические явления выступают прежде всего в связи с *мозгом*. Они связаны с мозгом по самому своему происхождению. Психические явления возникают и существуют лишь как функция или деятельность мозга. Существование в качестве процесса, в качестве деятельности, и именно деятельности мозга, – таков первичный способ существования всего психического. Задача исследования природы психических явлений, по крайней мере одна из существенных задач такого исследования, заключается в том, чтобы изучать связь психических явлений с мозгом. Вопрос состоит не в том, существует ли такая связь – это бесспорно, а в том, какова эта связь, как связана психическая деятельность с мозгом, каковы ее отличительные черты. При попытке разрешить эту задачу оказывается, что она неразрешима, если не раскрыто вместе с тем и *отношение психических явлений к внешнему миру*.

Психическая деятельность – это деятельность мозга, являющаяся вместе с тем отражением, познанием мира; одни и те же психические явления всегда выступают и в том и в другом качестве. Два вопроса – различные и даже как будто разнородные: один – гносеологический – о познавательном отношении психических явлений к объективной реальности, и другой – естественнонаучный – о связи психического с мозгом, – взаимосвязаны настолько, что, решив определенным образом один из них, нельзя уже решить иначе, чем соответственным, строго определенным образом, и другой.

Никак не приходится обособлять и противопоставлять одно другому – отношение психического к мозгу и его отношение к внешнему миру. Этого нельзя делать прежде всего потому, что психическая деятельность – это деятельность мозга, взаимодействующего с внешним миром, отвечающего на его воздействия. Поэтому правильно понятая связь психического с мозгом – это вместе с тем и правильно понятая связь его с внешним миром. И только правильно поняв связь психического с внешним миром, можно правильно понять и связь его с мозгом.²¹

Сказать, что психическая деятельность есть деятельность мозга, взаимодействующего с внешним миром, отвечающего на его воздействия, – значит, в конечном счете, сказать, что это деятельность – рефлекторная.

Положение, согласно которому психическое является деятельностью или функцией *мозга* и вместе с тем отражением объективной реальности, как бы предусматривает с необходимостью в качестве своей предпосылки рефлекторное понимание психической деятельности. Психическая деятельность является функцией *мозга* и отражением внешнего *мира*, потому что сама деятельность мозга есть деятельность рефлекторная, обусловленная воздействием внешнего мира. Психическая деятельность мозга может быть отражением мира, лишь поскольку она носит рефлекторный характер, поскольку психические явления определяются в самом своем возникновении воздействием вещей, отражением которых они в силу этого являются.

Утверждение, что психическое есть функция мозга, не может означать и не означает, что оно является всецело изнутри детерминированным *отправлением* мозга, его клеточной структуры. Как только психические явления представляются такими отправлениями мозга или органов чувств, они неизбежно рассматриваются как выражения состояния соответствующего органа (рецептора или мозга) и утрачивают, таким образом, свою познавательную связь с миром, превращаются в лучшем случае в условный знак вещей. Представление о психическом как об отпадении мозга неизбежно, как учит история, ведет к физиологическому

²¹ Так, например, идеалистическая подстановка ощущения в качестве опыта на место бытия в силу внутренней своей логики неизбежно ведет к отрыву ощущения от мозга. Борьба Авенариуса с «интроспекцией» диктуется его гносеологической позицией. Для того чтобы подставить ощущение, сознание в качестве опыта на место объективного бытия, надо предвзвешенно оторвать их от субъекта, от деятельности его мозга.

идеализму. Познавательная связь психических явлений с внешним миром как объективной реальностью сохраняется, только если они мыслятся не как лишь изнутри детерминированные *отправления* мозга, а как ответная деятельность его, начинающаяся с воздействия на мозг внешнего мира. Мозг – только *орган* психической деятельности, а не ее источник. Источником психической деятельности является мир, воздействующий на мозг. Связь психических явлений с внешним миром выступает, таким образом, при рассмотрении и связи психических явлений с мозгом и их гносеологического отношения к объективной реальности.

В ходе нашего дальнейшего исследования мы начнем с анализа абстрактно выделенного гносеологического отношения психических явлений к бытию, с тем чтобы затем вскрыть механизм их возникновения. Психические явления возникают именно тогда, когда в ходе рефлекторной деятельности мозга (в процессе дифференцировки раздражителей) появляются ощущения, и отраженный в них раздражитель выступает в качестве объекта. Именно с этим связан «скачок», переход к психическим явлениям. И именно поэтому *гносеологическое* отношение к объекту определяет основную *«онтологическую»* характеристику психического²². Если рефлекторное понимание психической деятельности определяет природное происхождение психических явлений, то гносеологическое отношение к объективной реальности определяет их «сущность». Таким образом, отмеченная выше зависимость между заключенным в рефлекторной теории пониманием связи психических явлений с мозгом и трактовкой их познавательного отношения к бытию означает, собственно, связь и взаимозависимость понимания природного происхождения психических явлений и их гносеологической сущности.

Всякий психический процесс имеет познавательную сторону, которая, однако, не исчерпывает его. Объект, отражаемый в психических явлениях, как правило, затрагивает потребности, интересы индивида и в силу этого вызывает у него определенное эмоционально-волевое отношение (стремление, чувство). Всякий конкретный психический акт, всякая подлинная «единица сознания» включает оба компонента – и интеллектуальный, или познавательный, и аффективный (в понимании не современной психиатрии, а классической философии XVII в., например Спинозы, а также социалистов-утопистов XVIII в.). Однако именно в познавательной стороне психического процесса особенно рельефно выступает связь психических явлений с объективным миром; в решении гносеологической проблемы – ключ для преодоления субъективистического понимания психической деятельности.

Говоря о психической деятельности как деятельности мозга, взаимодействующего с внешним миром, нельзя забывать, что мозг только орган, служащий для осуществления взаимодействия с внешним миром *организма, индивида, человека*. Сама деятельность мозга зависит от взаимодействия человека с внешним миром, от соотношения его деятельности с условиями его жизни, с его потребностями. (Эта зависимость выступает в виде изменяющегося в зависимости от условий жизни сигнального значения раздражителей и выражается в законах сигнальной деятельности мозга.) Мозг – только *орган* психической деятельности, человек – ее *субъект*. Чувства, как и мысли человека, возникают в деятельности мозга, но любит и ненавидит, познает и изменяет мир не мозг, а человек. Чувства и мысли выражают эмоциональное и познавательное отношение человека к миру. Психические явления возникают в процессе взаимодействия человека с миром; они включаются в это взаимодействие как необходимый компонент, без которого оно в высших специфических формах у человека

²² Для всей немарксистской философии типична противоположная установка – характеристика психического как бытия своего рода (*sui generis*) без всякого учета его познавательного отношения к материальному бытию. Эта тенденция получила свое особенно заостренное выражение в психологическом «экзистенциализме» Титченера. Титченер стремится получить психическое бытие (*existence*) в чистом виде, выключив, начисто вытравив из психических явлений всякое познавательное отношение к объекту.

совершаться не может. Психическая деятельность как рефлекторная деятельность мозга – это осуществляемая мозгом психическая деятельность человека. Взаимодействие индивида с миром, его жизнь, потребности которой и привели к возникновению мозга как органа психической деятельности человека, *практика* – такова реальная материальная основа, в рамках которой раскрывается познавательное отношение к миру, такова «онтологическая» основа, на которой формируется познавательное отношение субъекта к объективной реальности.

Как же раскрывается это последнее? На вопрос о том, какова связь психического с мозгом, ответ гласит: психическое – это рефлекторная деятельность мозга и, значит, активная связь индивида с миром; только при таком понимании психической деятельности она может находиться в познавательном отношении к миру. Теперь нужно выяснить, как должно мыслиться это последнее отношение, и таким образом раскрыть, с другой стороны, взаимозависимость решения гносеологической проблемы и вопроса о рефлекторном происхождении психической деятельности.

Ответ на вопрос о том, каково познавательное отношение психических явлений к объективной реальности, может быть кратко выражен одним положением: психические явления – это *отражение* мира как объективной реальности. Утверждать, что психические явления суть отражение объективной реальности, не значит просто сказать, что они стоят к этой последней в познавательном отношении. Это значит не просто утверждать, что такое отношение существует, но и определить, в чем оно состоит, каково оно. Так же как рефлекторная теория психической деятельности мозга не сводится к признанию связи психического с мозгом, а заключается в совершенно определенном понимании характера этой связи, так и теория отражения не сводится лишь к констатации наличия некоего познавательного отношения психических явлений к миру, а заключается в совершенно определенном понимании природы, характера, сущности этого отношения.²³

Кратко и сначала грубо приближенно суть теории отражения можно выразить так: ощущаются и воспринимаются не ощущения и восприятия, а вещи и явления материального мира. Посредством ощущений и восприятий познаются сами вещи, но ощущения и восприятия это не сами вещи, а только образы их; ощущения и восприятия не могут быть непосредственно подставлены на место вещей. Не приходится говорить – как это не раз имело место – об образе ощущения или восприятия, как о некоей идеальной вещи, существующей обособленно от всякой материальной реальности в идеальном мире сознания, подобно тому, как вещи, предметы существуют в материальном мире. Сами ощущения, восприятия и т. д. – это *образ предмета*. Их гносеологическое содержание не существует безотносительно к предмету. Таким образом, диалектико-материалистическая теория отражения решительно исключает субъективистическое понимание психического. Для того чтобы осуществить эту гносеологическую установку в трактовке самой психической деятельности, самих психических явлений, необходимо понять, что материальный мир изначально причастен к самому возникновению психических явлений, к их детерминации. Именно это требование и реализует рефлекторная теория психической деятельности, согласно которой психические явле-

²³ Между рефлекторной теорией психической деятельности и теорией отражения как гносеологическим учением существует, как мы еще увидим, теснейшая взаимосвязь. Однако никак не приходится – как это нередко в последнее время делалось – объединять их, попросту соотнося термины рефлекторный и отражательный, играя на том, что второе слово есть перевод первого на русский язык. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к тому конкретному содержанию, которое вкладывается в термин рефлекторный (отражательный) в учении о высшей нервной деятельности и в марксистской гносеологии. И. П. Павлов писал: «Мы знаем, что главнейшая деятельность центральной нервной системы есть так называемая рефлекторная, отраженная, т. е. перенос, переброс раздражения с центростремительных путей на центробежные» (*Павлов И. П.* Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – Т. III, кн. 1. – С. 194. Подчеркнуто нами. – С. Р.). Достаточно ясно, что рефлекторная, или отраженная, деятельность, по Павлову, никак непосредственно не совпадает с тем значением, которое вкладывает в понятие отражения марксистско-ленинская теория познания. Дело здесь не в этимологии, не в значении слов. Для раскрытия связи между рефлекторной теорией и теорией отражения нужны не словесные упражнения, а углубленный анализ сущности этих теорий.

ния возникают в процессе взаимодействия индивида, его мозга с внешним миром, взаимодействия, начинающегося с воздействия внешнего мира на мозг. Если сначала допустить, что психическая деятельность по своему происхождению есть лишь отправление мозга, детерминированное изнутри его клеточной структурой, или чисто субъективная деятельность обособленного индивида, то все попытки затем внешним образом восстановить изначально разорванную связь психической деятельности с внешним миром неизбежно окажутся тщетными. Субъективистическое понимание психической деятельности исключает возможность познания в подлинном смысле слова. Отправная же точка для преодоления субъективистического понимания психической деятельности заключается в признании того, что психические явления возникают в процессе взаимодействия индивида с внешним миром, которое начинается с внешнего воздействия, что внешний мир, таким образом, изначально участвует в детерминации психических явлений.

Положение о рефлекторном характере психической деятельности в ходе наших рассуждений оказалось включенным в число исходных философских положений, определяющих решение основного вопроса философии – о месте психических явлений во взаимосвязи всех явлений мира. Но, говоря о рефлекторном характере психической деятельности, мы вовсе не касались физиологических механизмов этой деятельности. Утверждение рефлекторности психической деятельности означает здесь лишь характеристику способа ее детерминации. Рефлекторная деятельность – это всегда деятельность, детерминированная извне. Рефлекторная теория, строящаяся на основе механистического детерминизма (например, понимание рефлекса у Декарта и его ближайших продолжателей), – это теория причины, действующей в качестве внешнего толчка, якобы непосредственно детерминирующего конечный эффект воздействия. В отличие от этого механистического детерминизма, детерминизм в его диалектико-материалистическом понимании всякое воздействие рассматривает как взаимодействие. Эффект всякого внешнего воздействия зависит не только от тела, от которого это воздействие исходит, но и от того тела, которое этому воздействию подвергается. Внешние причины действуют через внутренние условия (формирующиеся в зависимости от внешних воздействий). Рефлекторная теория, о которой здесь идет речь, по существу, означает распространение принципа детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании на психическую деятельность мозга. Общей предпосылкой рефлекторной теории психической деятельности и теории отражения является диалектико-материалистическое понимание детерминизма. И, в конечном счете, именно оно объединяет представление о психической деятельности как отражении мира и как функции мозга.

В сферу философской теории из рефлекторной концепции поднимается лишь одно звено, а именно, диалектико-материалистическое понимание детерминации психической деятельности мозга. Таким образом, общей предпосылкой рефлекторной теории как учения о природном происхождении психической деятельности и теории отражения, определяющей ее познавательное отношение к объективной реальности, является распространение принципа детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании на психическую деятельность мозга.

Принцип детерминизма диалектического материализма выступает в этой связи как *методологический* принцип, определяющий построение научного знания, научной теории. Методологическим принципом принцип детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании служит потому, что он отражает природу самих явлений, выражает характер их взаимосвязи в действительности.

Все явления в мире *взаимосвязаны*. Всякое *действие* есть взаимодействие, всякое изменение одного явления отражается на всех остальных и само представляет собой ответ на изменение других явлений, воздействующих на него. Всякое внешнее воздействие преломляется через внутренние свойства того тела, явления, которое ему подвергается. Всякое *вза-*

имодействие есть в этом смысле *отражение* одних явлений другими. Недаром Ленин писал: «...логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» [24]. Свойство отражения, которым обладает все существующее, выражается в том, что на каждой вещи сказываются те внешние воздействия, которым она подвергается; внешние воздействия обуславливают и самую внутреннюю природу явлений и как бы откладываются, сохраняются в ней. В силу этого в каждом явлении своими воздействиями на него «представлены», отражены все воздействующие предметы; каждое явление есть в известном смысле «зеркало и эхо вселенной». Вместе с тем результат того или иного воздействия на любое явление обусловлен внутренней природой последнего; внутренняя природа явлений представляет ту «призму», через которую одни предметы и явления отражаются в других.

В этом выражается фундаментальное свойство бытия. На этом основывается диалектико-материалистическое понимание детерминированности явлений как их *взаимодействия* и *взаимозависимости*. Не обладай материя этим свойством, прав оказался бы механистический детерминизм, согласно которому эффект воздействия зависит только от внешней причины, действующей в качестве толчка извне. Согласно механистической теории причины как внешнего толчка, внешние воздействия проходят сквозь объект, на который они падают, не преломляясь через него, не отражаясь им. Однако все факты научного знания и повседневного наблюдения свидетельствуют против такого механистического детерминизма; все они говорят о том, что эффект действия любой причины зависит не только от природы предмета, выступавшего в качестве причины, но и от того предмета, на который он воздействует.

Только механическое движение (перемещение), да и то лишь в определенных пределах, выступает как чисто внешнее изменение. Но механическое движение не есть самостоятельно существующая форма движения, изменения, не есть самостоятельный способ существования какого-либо особого объекта. Механическое движение – это лишь абстрактно выделенная сторона всякого изменения (физического и химического изменения молекул и атомов). Движение, изменение есть способ существования материальных вещей, свойство материи, внутренне ей присущее. В силу этого взаимосвязь явлений выступает как их взаимодействие. Движение, изменение возникает не под влиянием внешнего толчка как одностороннего действия, производимого одной вещью на другую, а в результате взаимодействия вещей друг с другом. Поскольку воздействия каждой вещи на другую преломляются через свойства этой последней, вещи «отражают» друг друга.

Если бы воздействие вещей, явлений, процессов друг на друга отвечало бы принципу детерминизма в его механистическом понимании, не приходилось бы говорить о взаимодействии всех явлений в мире как об отражении. Говорить об отражении как общем свойстве материального мира – значит утверждать, что лишь принцип детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании отвечает действительным взаимоотношениям всего происходящего в мире. В этом заключается простой, точный и строгий смысл выражения об «отражении» как общем свойстве всего материального мира. Выяснение конкретных явлений, в которых это общее свойство проявляется в разных сферах взаимодействия, составляет задачу специальных наук, их изучающих.

Такое расширенное понимание отражения как свойства, которым обладает вся материя, не может означать и не означает, что можно всей материи приписывать сознание, проецируя психические явления в основы материального мира²⁵. Наличие отражения как общего свойства материи означает, что ощущение, психические явления имеют основу, предпосылки в

²⁴ Ленин В. И. Соч. – Т. 14. – С. 81.

²⁵ Так же как сведение высших форм к низшим, игнорирование своеобразия первых есть специфический путь механистического материализма, так проецирование своеобразных особенностей высших форм на низшие есть специфический путь идеализма.

материальном мире. Они, значит, не «одинок» в мире, не беспочвенны, несмотря на всю свою специфичность, не абсолютно чужеродны по отношению ко всему существующему; они не должны быть потому привнесены извне; в самом фундаменте материального мира есть предпосылки для их естественного развития; они представляют собой высшую специфическую форму проявления свойства, которым в качественно других, элементарных формах обладает вся природа.²⁶

Общий принцип взаимозависимости явлений осуществляется в столь же многообразных формах, как многообразна природа явлений, вступающих во взаимодействие. Различный характер закономерностей в каждой области явлений выражает специфические различия свойственного данным явлениям отражения. От ступени к ступени изменяются соотношения между внешним воздействием и внутренними условиями, через которые они отражаются. Чем «выше» мы поднимаемся, – от неорганической природы к органической, от живых организмов к человеку, – тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним.

В неживой природе отражение выступает в виде ответной внешней реакции (физической, химической) тела, подвергающегося воздействию. В неорганической природе внешние ответные реакции совпадают с изменением внутреннего состояния тел, испытывающих внешнее воздействие. «Механическая, физическая реакция (*alias* [иначе] теплота и т. д.) исчерпывает себя с каждым актом реакции. Химическая реакция изменяет состав реагирующего тела и возобновляется лишь тогда, когда прибавляется новое количество его. Только *органическое* тело реагирует *самостоятельно* – разумеется, в пределах его возможностей (сон) и при предпосылке притока пищи, – но эта притекающая пища действует лишь после того, как она ассимилирована, а не непосредственным образом, как на низших ступенях, так что здесь органическое тело обладает *самостоятельной* силой реагирования; новая реакция должна быть *опосредствована им*».²⁷

В живой природе появляется новая специфическая форма отражения – раздражимость, представляющая собой вид реактивности²⁸. Раздражимость – это способность отвечать на внешнее воздействие состоянием внутреннего возбуждения. В живых организмах, обладающих свойством раздражимости, дифференцируются изменения внутреннего состояния и внешних реакций. В силу этого эффект всякого внешнего воздействия на живой организм зависит не только от постоянной природы тела, которое ему подвергается, но и от его изменяющегося внутреннего состояния. И это последнее, а не только постоянные свойства тела, подвергающегося воздействию, входит в число внутренних условий, от которых зависит эффект внешнего воздействия на организм. Поэтому действие одних и тех же раздражителей на организмы, принадлежащие к разным видам, на различных индивидов того же вида, на один и тот же организм в разное время, при различных условиях может вызвать разный эффект²⁹. В наиболее высоко организованной материи – коре головного мозга – отражение

²⁶ Положения об отражении как всеобщем свойстве материального мира, об изменении его форм на разных ступенях развития и об ощущении и сознании как высших формах этого всеобщего свойства защищались Тодором Павловым и затем также А. Киселинчевым. См.: *Павлов Т.* Теория отражения: Основные вопросы теории познания диалектического материализма. – М.: ИЛ, 1949. – Книга первая «Единство материи и сознания». – С. 1–112; *Киселинчев А.* Марксистско-ленинская теория отражения и учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности. – М.: ИЛ, 1956. – С. 41–53.

²⁷ *Энгельс Ф.* Диалектика природы. – М.: Госполитиздат, 1955. – С. 238.

²⁸ См.: *Павлова В. А.* Раздражимость и формы ее проявления. – М.: Советская наука, 1954. Особенно § 5, гл. I «Основные типы реакций на кратковременные воздействия», с. 12–16.

²⁹ В отличие от растений, у животных, способных передвигаться, изменение внутреннего состояния, вызывая движение по направлению одних раздражителей и изменение других, приводит к изменению самого состава раздражителей, воздействующих на животное; перемещаясь, животное как бы само включает одни раздражители и выключает другие, одни усиливает, другие ослабляет. Таким образом, внутреннее состояние здесь обуславливает не только то, какое действие окажут данные раздражители, но в известной мере и то, воздействие каких раздражителей будет испытывать животное.

как общее свойство материи выступает в виде рефлекторной деятельности, продуктом которой является *чувствительность*, психические явления. Отражение в широком понимании – как общее свойство материального мира – приобретает тот специальный, специфический смысл, который оно имеет применительно к психическим явлениям.

Всякое психическое явление обусловлено в конечном счете внешним воздействием, но любое внешнее воздействие определяет психическое явление лишь опосредствованно, преломляясь через свойства, состояния и психическую деятельность личности, которая этим воздействиям подвергается.

Поскольку всеобщая взаимосвязь явлений членится на ряд иерархически друг над другом расположенных сфер взаимодействия, неизбежно встает вопрос об их соотношениях.

Современное научное знание дает достаточно оснований утверждать, что более общие законы лежащих «ниже» областей сохраняют свою силу для всех лежащих «выше». Вместе с тем распространение общих закономерностей лежащих «ниже» областей на области более специальные не исключает существования специфических законов этих последних. В каждой специфической области явлений, в каждой сфере взаимодействия действуют и общие и специфические закономерности. Поскольку это так, возникает вопрос: что происходит с общими закономерностями (например, физико-химическими) при переходе к более специальным явлениям, например биологическим? Ответ на этот вопрос заключается, по-видимому, в том, что при этом изменяются условия, в которых они действуют, и в силу этого эффект их действия; сами же законы сохраняют свою силу.

В то время как специфические особенности новых сфер бытия, возникающих в процессе развития материального мира, выражаются в специфических законах, единство мира, общность всех явлений получает свое выражение в распространении более общих законов, лежащих «ниже» более элементарных явлений, на лежащие «выше» более сложные. В этой связи становится совершенно очевидным, что вопрос о взаимоотношении физиологических законов высшей нервной деятельности и законов психологических не есть какая-то уникальная проблема, встающая якобы только применительно к психическим явлениям. При всей своей специфичности эта проблема – есть вместе с тем звено в цепи аналогичных проблем, и ее решение подчинено общим принципам, определяющим соотношение общих и специфических закономерностей, которым подчинено решение и всех остальных.

Воздвигаемая на этом фундаменте психология связывается с основной мировоззренческой проблематикой всех других наук. Психология может, таким образом, закончить период своего «удельного» существования и, сбросив тяготеющий над ней провинциализм, совместно со всей системой наук органически включиться в построение общей картины мира.

* * *

Вопрос об отношении психических явлений к другим сторонам материального мира всегда стоял и поныне стоит в центре философской мысли. Решение именно этого вопроса определяло пути психологической теории³⁰. На базе развития естествознания XVII в. в системе метафизического мышления того времени (особенно заостренно у Декарта) вопрос об отношении психических явлений к другим явлениям материального мира встал в виде так называемой *психофизической проблемы*.

³⁰ Весь нижеследующий экскурс по своему замыслу и смыслу имеет характер не исторический, а аналитический: это не история различных решений «основного вопроса» философии (такая история философских теорий потребовала бы прежде всего раскрытия общественно-исторических условий, в которых складывалась каждая из этих философских теорий); это лишь теоретический анализ различных постановок этого вопроса, рассматриваемых в их последовательности.

В начальный период развития современного естествознания, когда оно охватило лишь неорганическую природу, материальный мир выступил перед философской мыслью как мир физического, который в то время сводился к механической форме движения (а у Декарта к одной лишь протяженности как основному свойству материального мира). Органическая природа и особенно высший продукт развития органической материи – мозг – не стали еще в ту пору предметом углубленных естественнонаучных исследований. В этих условиях понятие *материального* свелось для философии к понятию *физического*, а вопрос о взаимоотношениях психических явлений и других явлений материального мира – к отношению или противопоставлению психического и физического; он принял форму психофизической проблемы. При этом психическое, не ставши еще предметом естественнонаучного исследования, продолжало – как и в предшествующую эпоху господства христианской, августиновской философии – представляться как дух, обращенный на самого себя. Когда материальный мир выступил, таким образом, лишь в своих элементарных формах – неорганической природы, а психическое – в высших, наиболее сложных и производных своих формах – в самосознании, между этими двумя полюсами неизбежно образовалась непроходимая пропасть – внешнее дуалистическое противопоставление психического, духовного – материальному, физическому. Дуализм, к которому таким образом приходили, еще усугублялся навыками метафизического мышления, характерными для философии XVII—XVIII вв.

Когда впоследствии исследование обратилось к изучению конкретных психических явлений в процессе их формирования и развития, оно стало по мере своего углубления на каждом шагу наталкиваться на взаимосвязи психических и разного рода других материальных явлений. Но голое оперирование абстрактными понятиями психического и физического неизбежно приводило к выводу, что психическое – это не физическое, а физическое – это не психическое. В результате дуализм, обусловленный в XVIII в. состоянием научного знания, еще более заострился. Мир оказался расколотым на две совершенно чужеродные сферы. У Декарта они выступают в виде двух субстанций – материальной и духовной. Идущий от Декарта дуализм двух субстанций получил затем у Локка новое, эмпиристическое выражение в противопоставлении двух сфер опыта – внешнего и внутреннего. Существенное различие между локковской и декартовской позициями связано и с их отношением к «врожденным» идеям. Именно идеи как особый вид идеального бытия еще в платоновском идеализме противопоставлены чувственно данным вещам. Содержание учения о врожденности идей не ограничивается отрицанием эмпирического чувственного происхождения идей; оно вместе с тем утверждает неотрывность психического от некоторого идейного содержания; психическое, таким образом, выступает у Декарта в качестве *духовного*. Это последнее как *идеальное* противостоит материальному. Противоположение духовного как идеального материальному выступает только там, где так или иначе психическое берется в связи с идейным содержанием знания, с идеологией. Своим отрицанием врожденных идей Локк, в отличие от Декарта, не только утверждал их опытное происхождение, но вместе с тем фактически прокладывал путь для преимущественно функционального подхода к психическому как *процессу* ощущения или рефлексии. Этот последний подход к психическому и закрепился впоследствии в экспериментальной психологии, сложившейся во второй половине XIX столетия на базе проведенных в первой половине XIX в. физиологических исследований функций нервной системы и органов чувств. При формировании экспериментальной психологии во второй половине XIX столетия крупнейшие представители тогдашней психологии – Вундт, Эббингауз, Титченер, Джемс – исходят из дуалистических установок. Джемс прямо заявляет³¹, что в своем противопоставлении психических и физических процессов он стоит на локковских позициях. То же можно сказать о Титченере в первый период его научной дея-

³¹ См. его основной психологический труд: *James W. The Principles of Psychology*, vol. I. – London, 1907, p. VI.

тельности³². Нужно при этом учесть, что, начиная с первой половины XIX столетия, с развитием исследований физиологии нервной системы и органов чувств в постановке исходного вопроса совершается существенный сдвиг: *психофизическая* проблема, которая касалась первоначально отношения психических явлений в человеке к физическим явлениям в окружающем мире, принимает специальную форму *психофи-зиологической* проблемы, вопроса о соотношении психических и физиологических процессов. Проблема психического выступает в виде вопроса о двоякой природе человека; более широкий, онтологический и гносеологический аспект проблемы вовсе выпадает. В распространенной философско-психологической литературе конца XIX и начала XX столетия она превращается в проблему души и тела. (Ср. Бине³³, Дриш³⁴, Эрдман³⁵, Штумпф³⁶ и др.) Ее пытаются решить, исходя из отношений души и тела, психических и физиологических функций друг к другу, вне отношения человека и его психической деятельности к окружающему миру; это закрывает путь к пониманию жизни организма в целом, и его психической деятельности в особенности, и делает проблему неразрешимой.

Нужно при этом учесть, что дуализм (психофизиологический параллелизм) в зарождающейся экспериментальной психологии приобретает совсем иной, чем у Декарта, все более реакционный смысл. Это относится, в частности, и к исследованиям по локализации психических функций, в которых психическая деятельность соотносится с клеточной структурой мозга (Мунк и другие представители так называемого психоморфологизма). Если рассматривать философию Декарта в перспективе исторического развития, не трудно обнаружить передовые тенденции, с которыми был связан его дуализм. Основные устремления Декарта были направлены на максимально возможное в его время вовлечение психических функций в сферу действия природных закономерностей. Дуализм Декарта явился философским выражением невозможности завершить этот процесс при тогдашнем уровне естествознания. Совсем иной смысл приобретает дуализм в психологии и физиологии конца XIX и начала XX столетия. Теряя здесь свою относительную оправданность состоянием научного знания и открываемыми им возможностями научного познания, дуализм приобретает все более заостренный агностический смысл; утверждение разнородности психических и всех прочих функций организма превращается в утверждение принципиальной непознаваемости их связи, их соотношения; мировоззренчески важнейшая проблема научной, философской мысли признается вовсе не разрешимой, лежащей по ту сторону научного знания. (Очень отчетливо эта агностическая позиция выступает у Шеррингтона³⁷.)

В рамках этой дуалистической концепции выступают две «теории»: 1) параллелизма и 2) внешнего взаимодействия. Как для одной, так и для другой психическое и физическое представляют собой два ряда чужеродных явлений. Первая – теория параллелизма, – считаясь с этой чужеродностью, исключает возможность какой-либо реальной зависимости между членами одного и другого ряда и тем не менее утверждает неизвестно на чем основанное и неизвестно как устанавливающееся однозначное соответствие между ними. Вторая теория – взаимодействия, – стремясь учесть факты действительной жизни, свидетельству-

³² См. *Титченер Э. Б.* Очерк психологии. – СПб., 1912 (русский перевод книги: «An Outline of Psychology». – New York, 1899).

³³ *Binet A.* L'ame et le corps. – Paris, 1908. Русский перевод: Бине А. Душа и тело. Пер. Лопашова. – М.: Звено, 1910.

³⁴ *Dries c h H.* Leib und Seele. Eine Untersuchung uber das psychophysische Problem. – Leipzig, 1920.

³⁵ *Эрдман Б.* Научные гипотезы о душе и теле. – М., 1910.

³⁶ *Штумпф К.* Душа и тело. Новые идеи в философии. Сб. 8. – СПб., 1913. – С. 91–107.

³⁷ См. особенно *Sherrington Ch.* Man on his Nature. Cambridge University Press, 1946. Дуализм Шеррингтона, выступивший уже и в прежних его работах, в частности в «The Brain and its Mechanisms» (Cambridge University Press, 1934), вызвал резкий протест И. П. Павлова. И. П. Павлов связывал позицию Шеррингтона с дуализмом Декарта. См.: Павловские среды. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. II. – С. 444–446.

ющие о существовании реальных зависимостей между физическими (физиологическими) и психическими явлениями, признает внешнее взаимодействие между ними вопреки утверждаемой в исходной предпосылке чужеродности их и приходит, таким образом, к упразднению каких-либо внутренних закономерностей как психических, так и физических материальных явлений. Эти явно несостоятельные теории, широко распространенные на рубеже XIX и XX столетий, не сошли еще вовсе с философско-психологической арены.³⁸

Разновидность дуалистической теории параллелизма, сочетающейся с теорией тождества, представляет собой гештальтистская теория *изоформизма* (Кёлер)³⁹. Согласно этой теории изоморфизма, два рода явлений – физиологических процессов в мозгу и феноменальных психических процессов – объединяются тем, что динамическая структура у них всегда общая.

Гештальтистская теория изоморфизма тоже сводит всю проблему отношений психического и материального мира к одной лишь психофизиологической проблеме, которую она пытается решить в отрыве от проблемы гносеологической.

Дуализму, идущему в философии нового времени от Декарта, в начале XX столетия стал все решительнее противопоставляться монизм, якобы «нейтральный», являющийся продолжением берклеанства, подставляющим ощущения, сознание на место бытия. Махизм – первая из его разновидностей.⁴⁰

В начале XX столетия на позиции махизма один за другим переходят такие крупнейшие представители психологической науки, как Вундт⁴¹, Титченер⁴², Джемс. В своем завершающем историко-теоретическом труде⁴³, представляющем собой попытку дать систематическое обоснование «новой» махистской ориентации психологии, Титченер называет ее родоначальниками Вундта вместе с Авенариусом⁴⁴ и Махом.

С особенно далеко идущими последствиями оказался связанным переход Джемса на махистские позиции.⁴⁵

³⁸ Так, в статье «Современное состояние проблемы духа и тела» Джемс Пратт указывает лишь три возможных решения этой проблемы: взаимодействие, параллелизм либо, наконец, материализм, причем имеется в виду механистический материализм, который решает проблему, упраздняя ее, поскольку он отрицает существование психических явлений, не сводимых к физическим (физиологическим). *Pratt J. The present Status of the Mind-Body Problem // The Philosophical Review. – 1936. – Vol. XLV. – P. 144—166.*

³⁹ *Kohler W. Gestalt-Psychology. – New York, 1947. – P. 61—63.*

⁴⁰ Показательным свидетельством живучести махизма может служить то, что в *Contemporary Psychology*, 1956, vol. 1, ¹ б дается обзор книги Маха *Beitrage zur Analyse der Empfindungen*, вышедшей, как известно, в 1886 г. В этом обзоре читаем: «физика есть наука об ощущениях. Если это звучит революционно, то пусть скептический читатель спросит себя, чем еще может быть физика».

⁴¹ Вундт становится на махистскую позицию уже в своих «Очерках психологии», где он утверждал, что психология и физика изучают один и тот же «опыт» лишь с разных точек зрения. С идеалистическим монизмом в решении гносеологической проблемы Вундт при этом сочетает дуалистический параллелизм в вопросе о соотношении психических и физиологических процессов. См.: *Вундт В. Очерки психологии. – М., 1912. – С. 4—6.*

⁴² В своем «Очерке психологии» Титченер еще трактует психологию как науку о душевных процессах. При этом он определяет душевный процесс как такой процесс, который находится в области нашего внутреннего опыта. От душевных процессов он отличает физические процессы и подчеркивает, что физическое внешне независимо от нас: «... движение продолжалось бы, хотя бы нас, ощущающих его, вовсе и не было». «Или же возьмем такой пример: геометрическое пространство независимо от нас; оно управляется законами, действующими независимо от того, знаем ли мы их, или нет». См. *Титченер Э. Б. Очерки психологии. – СПб., 1912. – С. 4.*

⁴³ *Titchener E. B. Systematic Psychology. Prolegomena. – New York, 1929.*

⁴⁴ Авенариус посвятил вопросу о предмете психологии особую работу: *Bemerkungen zum Begriff des Gegenstandes der Psychologie* в журн.: «*Vierteljahrsschrift für Wissenschaftliche Philosophie*». Bd. XVIII (1894) und XIX (1895). См. русский перевод: *Авенариус Р. О предмете психологии. – М., 1911.*

⁴⁵ В своем основном психологическом труде: *The Principles of Psychology*, вышедшем в 1890 г., Джемс стоял на позициях откровенного, в общем локковского, дуализма. Характеризуя философскую платформу своего труда, сам Джемс писал: «Это позиция сплошного дуализма. Она предполагает два элемента – познающий дух и познаваемую вещь и трактует их как несводимые друг к другу. Ни один из них не выходит из самого себя и не переходит в другого. Ни один из них не является каким-либо образом другим, ни один не порождает другого. Они противостоят друг другу лицом к лицу в общем мире –

В то время как махисты, идущие от физики, выдвинули лозунг «материя исчезла», махист от психологии Джемс в своем известном докладе «Существует ли сознание?» [46, сделанном в 1904 г. на конгрессе в Риме, провозгласил: «сознание испарилось». Будучи подставленным в качестве «опыта» на место своего объекта – бытия, сознание, действительно, неизбежно «испаряется»; в качестве объекта психологического исследования в человеке остаются только внешние реакции, лишённые всякого собственно психического содержания. Таким образом, философская эволюция Джемса и его переход на позиции махизма лишили почвы ту психологию сознания, одним из крупнейших представителей которой был он сам, и расчищали почву для бихевиоризма как психологии поведения. В философии линия Джемса ведет к неореализму и затем к прагматизму, образующим философскую основу некоторых толков бихевиоризма. Можно смело сказать, что судьба этих более поздних разновидностей «нейтрального» монизма – неореализма и прагматизма – так же тесно связана с судьбами психологии, как первоначальная разновидность «нейтрального» монизма – махизм, был связан с развитием физики.

Неореалисты – Перри, ближайший продолжатель «радикального эмпиризма» Джемса в философии, и Холт – впервые провозглашают общую платформу бихевиоризма. Прагматисты – Дьюи и, особенно, Мэд – связывают прагматическую философию и бихевиористическую психологию в один клубок⁴⁷. Основной «пафос» своей философии представители «нейтрального» монизма видят в борьбе против картезианской «бифуркации» природы. Всячески выпячивая свою борьбу против декартовского дуализма, они пытаются выдать себя за «революционеров» в философии, смело рвущих устаревшие традиции. Борьба с дуалистической «бифуркацией» природы (пользуясь их выражением) ведется ими с позиций все того же «нейтрального» монизма, который является монизмом эпистемологическим. Он переносит проблему психического целиком в гносеологический план. Поскольку при этом гносеологическая проблема решалась посредством подстановки психического на место его объекта, психическое неизбежно отрывалось от субъекта, от человека, от его мозга. При такой трактовке вопроса психофизиологический аспект проблемы или вообще выпадает (борьба Авенариуса против «интроспекции»), или сохраняется дуализм, обособляющий психику от мозга. Такое сочетание идеалистического «монизма» в решении проблемы психического в «эпистемологическом» плане с дуализмом в решении «психофизиологической» проблемы отчетливо выступило уже у Вундта, который при определении предмета психологии, исходя из махистского понимания «опыта», утверждал, что психология и физика изучают один и тот же опыт, но только с разных точек зрения, и вместе с тем оставался на позициях так называемого психофизического параллелизма, т. е. открытого дуализма в вопросе об отношении психических и физиологических процессов. «Нейтральный» монизм в настоящее время представляет прежде всего Рассел, продолжающий, по его собственному заявлению, линию Джемса и американских неореалистов.⁴⁸

один просто познает, а другой – коррелят – познается». (*James W. The Principles of Psychology*, vol. 1. – London, 1907. – P. 218). В начале XX столетия совершается радикальная смена вех. В ряде докладов и статей 1904–1905 гг. (собранных затем в сборнике *Essays in radical Empiricism*. New York, 1912) Джемс формулирует уже по существу махистскую концепцию «чистого опыта». «Я утверждаю, – пишет Джемс, – что единая часть опыта, взятая в определенном контексте, играет роль познающего, душевного состояния, „сознания“, тогда как в другом контексте тот же единый отрезок опыта будет играть роль познанный вещи, объективного содержания. Одним словом, в одном сочетании он фигурирует как мысль, в другом как вещь» (*James W. Essays in radical Empiricism*. – New York, 1912. – P. 9–10). «В одной совокупности он представляет собой только сознание, в другой – только содержание». «Мысли... сделаны из той же материи (Stuff. – C. P.), что и вещи». См.: *Джемс В. Существует ли «сознание»? // Новые идеи в философии*. – СПб., 1913. – № 4. – С. 113, 127

⁴⁶ См. сб. *Essays in radical Empiricism*. New York, 1912 и русский перевод цитированной статьи Джемса в сб. «Новые идеи в философии». – СПб., 1913. – 1 4. – С. 20.

⁴⁷ См. *Mead G. H. Mind, Self and Society from the Standpoint of a social Behaviorist*. – Chicago University Press, 1946.

⁴⁸ См. *Russell Á. The Analysis of Mind*. – London, 1924. – P. 6.

У Рассела особенно обнаженно выступает схождение обоих путей, которыми махизм и неореализм шли к разрешению своей задачи, – растворение в нейтральных элементах опыта, с одной стороны, материи и, с другой – сознания⁴⁹. В предисловии к «Анализу духа» Рассел прямо пишет, что цель его заключается в том, чтобы объединить две тенденции, из которых одна связана с психологией, а другая – с физикой⁵⁰. С одной стороны, релятивистская физика, по мнению Рассела, делает материю все менее материальной, с другой – бихевиористическая психология стремится свести психическое к физическому. Ссылаясь на это, Рассел, так же как Мах и Джемс, утверждает, что «физика и психология не различаются по материалу», из которого состоит предмет их изучения⁵¹. «Дух и материя являются логическими построениями; элементы, из которых они строятся или выводятся, соединены различными отношениями, из которых одни изучаются физикой, а другие – психологией» [⁵²]. Однако к этому Рассел добавляет: если область физики состоит только из логических построений, то психология включает и те данные, из которых строится как физическое, так и духовное. Поэтому, заключает Рассел, все данные физических наук – это психологические данные. основополагающая, всеобъединяющая наука, способная осуществить то, что тщетно пыталась сделать метафизика, – разрешить все проблемы философской мысли, связанные с соотношениями духа и материи, и дать конечный научный ответ о том, что происходит в мире, – была бы, согласно Расселу, в самых решающих пунктах более похожа на психологию, чем на физику⁵³. По отношению к этой основной науке физика была бы производной дисциплиной. Вместе с тем все науки оказались бы объединенными с психологией, поскольку в ведении психологии находится основная ткань мира – единственная первичная данность – ощущения или элементы, подобные им. Здесь от «нейтральности» расселовского монизма не остается даже и видимости. Стараясь вообще подчеркнуть свою «нейтральность» в борьбе материализма и идеализма, Рассел сам вынужден признать, что в вопросе о составе мира его нейтральный монизм «склоняется к идеализму» [⁵⁴]. Видимость нейтральности Рассел стремится поддержать механистическим сведением психического к физическому. Суть концепции Рассела очень поучительно выступает в его понимании восприятия. Здесь общая линия «нейтрального» монизма выражается в двух положениях: с одной стороны, «мои восприятия в моей голове», с другой – «моя голова состоит из моих восприятий» [⁵⁵]. Сочетание этих двух положений достигается расчленением восприятия на два компонента: восприятие как процесс (*perception*) и восприятие как образование (*percept*); восприятие в первом смысле сводится к физиологическому процессу; во втором – как образование – подставляется на место своего предмета. Восприятие как процесс (*perception*), от которого к тому же отчленен его результат – чувственный образ, согласно Расселу, есть не психический, а чисто физиологический процесс; он совершается в голове человека. Восприятие как образование, отделенное от процессов, в результате которых оно возникает, от мозга, от субъекта, подставляется на место его предмета⁵⁶. Таким образом, «материализм» тезиса, согласно которому восприятие совер-

⁴⁹ Осуществлению этого замысла непосредственно посвящена прежде всего книга Рассела «Анализ духа» (*Russell Á. The Analysis of Mind.* – London, 1924), за которой последовал «Анализ материи» (*Russell Á. The Analysis of Matter.* – London, 1927, Изд. 2 в серии «Dover Publications». New York, 1954), посвященный разрешению этой же задачи.

⁵⁰ См. *Russell Á. The Analysis of Mind.* – London, 1924. – P. 5.

⁵¹ Там же. – С. 307.

⁵² Там же.

⁵³ Там же. – С. 305.

⁵⁴ См.: *Russell Á. The Analysis of Matter.* – New York. Dover Publications, 1954. – P. 388.

⁵⁵ *Russell Á. The Analysis of Matter.* – New York. Dover Publications, 1954. – P. 382.

⁵⁶ Для того чтобы открыть себе возможность этой подстановки ощущения, восприятия и т. д. на место объекта, Рассел в «Анализе духа» подвергает специальной критике концепцию «актов» Brentano, Мейнонга, с тем чтобы осуществить отчуждение психического от субъекта. Продолжая линию Джемса, который сводил сознание к потоку мысли, Рассел стремится доказать, что не человек (субъект) мыслит, а ему мыслится (*The Analysis of Mind.* – P. 17–18). В связи с этим в

шается лишь в голове, оказывается не очень опасным, поскольку он тотчас перекрывается другим, по которому голова и весь материальный мир объявляются состоящими из восприятий. Эта операция, совершаемая над ощущениями и восприятиями, предваряется у Рассела еще другой, посредством которой он все несводимое к ощущению (в частности, желания, чувства, инстинкты, навыки), солидаризируясь с крайним бихевиоризмом, непосредственно сводит к внешнему поведению.

Таким образом, если в период господства психологии сознания у Вундта и Авенариуса «нейтральный» эпистемологический монизм сочетался с дуализмом в решении психофизиологической проблемы (в вопросе о соотношении психических и физиологических процессов), то у Рассела идеалистический монизм в решении гносеологической проблемы сочетается с механистическим сведением психического к физиологическому, или к поведению – в духе «радикального», уотсоновского бихевиоризма. Так анализ различных постановок проблемы психического показывает, что в них на передний план выступает то гносеологический, то психофизиологический аспект проблемы и, как правило, отсутствует правильное их соотношение.

Вслед за неореализмом свою разновидность «нейтрального», по существу идеалистического монизма, выдвинул прагматизм, тоже блокирующийся с бихевиоризмом, но уже не «радикальным» уотсоновским, а изощренным «социальным» (Мэд). Основным инструментом этой разновидности монизма, претендующего на «нейтральность» по отношению к материализму и идеализму, является семантика – понятие значения, символа. Предпосылки для этого семантизма создал в американской философии еще в 70–80-х гг. прошлого столетия Пирс (Ch. Peirce); следующий шаг в том же направлении сделал в начале XX столетия Вудбридж, утверждавший, что дух или сознание – это сами явления, поскольку они обозначают или представляют друг друга.⁵⁷

Эта семантическая концепция была затем развита и широко использована Дьюи и Мэдом⁵⁸. Их основной тезис по этому вопросу заключается в том, что вещи и мысли или образы сотканы из одного и того же материала (*Stuff*), различие между ними – только функциональное и сводится к роли, которую они выполняют; явления опыта становятся духовными, поскольку они вступают в отношения знака и обозначаемого, поскольку они обозначают или символизируют друг друга по отношению к поведению (или органическим функциям)⁵⁹. Таким образом, с одной стороны, сознание сводится к значению явлений, с другой – эти последние и вообще бытие в качестве опыта посредством семантических отношений идеализируются и превращаются в нечто духовное.

В связи с такой проекцией духовного в сферу опыта и здесь делается попытка отвергнуть особую связь психических явлений с мозгом. В частности, Мэд подчеркивает то обстоятельство, что возникновение ощущений обусловлено физическим процессом в воспринимаемом объекте (являющемся, например, источником звука), средой, по которой выходящий из него физический процесс распространяется процессами в периферических рецепторных путях, по которым распространяется возбуждение прежде чем дойти до мозга, и, после того как оно через него проходит, ответной реакцией организма. Ведущим звеном в этой цепи событий или процессов, с которыми связано формирование ощущений, Мэд признает ответ-

посвященной Джемсу главе своей «Истории западной философии» он объявляет главной заслугой Джемса как философа то, что он отверг понятие субъекта – объекта как основное для познания. *Russell A. A History of western Philosophy.* – New York, 1945. – P. 812.

⁵⁷ См. *Wiodbridge F. J. A. The Nature of Consciousness // Journal of Philosophy*, 1905, II. – P. 119–125.

⁵⁸ К истории вопроса см. *Morris Ch. Six Theories of Mind, Ch. V.* Chicago University Press, 1932. – P. 282–327.

⁵⁹ См.: *Dewey J. Experience and Nature.* – London, 1925. – P. 291, 303, 307, 308; *Mead G. A behavioristic Account of the Significant Symbol // Journal of Philosophy.* – 1922, XIX; *Mead G. Mind, Self and Society from the Standpoint of a social Behaviorist. Part II «Mind and the Symbol».* – Chicago University Press, 1946. – P. 117–125.

ную поведенческую реакцию организма, а не мозг. Отожествляя сознание с опытом, в частности с социальным окружением индивида, Мэд – в силу той же «логики», которая обусловила борьбу Авенариуса с «интроекцией», – стремится оторвать психику от мозга⁶⁰. (Как будто сама эта ответная реакция осуществлялась не мозгом и притом с учетом отражаемых в ощущении раздражителей!)

Таким образом, несмотря на все «новшества» – на связь семантики с бихевиоризмом и прагматизмом, основная линия «нейтрального» монизма в вопросе о материи и сознании остается в принципе все той же.

Наряду с монизмом, якобы «нейтральным», все больший вес приобретает и откровенный спиритуалистический монизм.

За спиритуалистический монизм в начале XX столетия выступает ряд руководящих представителей идеалистической психологии и философии. По мнению Кречмера, спиритуалистический монизм – это мировоззрение, которое наилучшим образом соответствует современному мышлению. Некоторые, как, например, с одной стороны, Клагес⁶¹, с другой – Кассирер⁶², – усматривают решение психофизической проблемы в том, что тело человека является символическим выражением его духовной сущности. Спиритуалистические тенденции в психологии в начале XX столетия проводят также виталисты (Дриш⁶³ и др.). Опираясь на Аристотеля, они стремятся противопоставить декартовскому дуализму спиритуалистический монизм⁶⁴. В противоположность «нейтральному» монизму, являющемуся монизмом «эпистемологическим», в этих концепциях спиритуалистического монизма проблема психического вновь целиком превращается в вопрос о взаимоотношениях духовной и материальной природы человека; гносеологический аспект проблемы психического, его специфическое познавательное отношение к окружающему миру как объективной реальности опять отпадает.

Значительную роль в развитии спиритуалистических тенденций, крепнущих с нарастанием реакции, сыграл Джемс⁶⁵, давший сперва толчок к появлению новых разновидностей «нейтрального» монизма. Спиритуалистические тенденции Джемса проявились уже в его солидаризации с концепцией Бергсона, согласно которой мозг – это не орган мышления, а лишь инструмент, посредством которого мышление переходит в действие. Мозг это, по Бергсону, аппарат, посредством которого мысль управляет движением и воплощается в материальном мире (Бергсон пытается доказать это положение, отвечающее его исходным позициям, интерпретацией ряда патологических фактов нарушения деятельности мозга – апраксии и т. д.). Таким образом, мысль связана с мозгом; наличие этой связи и порождает, согласно Бергсону, иллюзию правильности материалистического положения, что мозг – орган мышления; но связь эта имеет, по Бергсону, совсем другой характер, отвечающий не материалистическому, а спиритуалистическому взгляду на вещи. (Эта философская кон-

⁶⁰ См. *Mead G. Mind, Self and Society*, § 15 «Behaviorism and psychological Parallelism». – Chicago University Press, 1946. – P. 112.

⁶¹ См. *Klages L. Von Wesen des Bewusstseins*. Dritte Auflage. – Leipzig, 1933.

⁶² *Cassirer E. Philosophic der symbolischen Formen*. Dritter Teil. Phanomenologie der Erkenntnis. Kap. III «Die Ausdrucksfunktion und das Leib-Seelen Problem». – Berlin, 1929. – S. 108–121.

⁶³ *Driesch H. Leib und Seele. Eine Untersuchung über das psychophysische Problem*. – Leipzig, 1920.

⁶⁴ «Не приходится спрашивать, – писал Аристотель в трактате „О душе“. – едины ли тело и душа или они раздвоены – человек единен, а он и душа и тело». (О значении этого положения в истории «психофизической проблемы» и его месте в психологии Аристотеля см. «Die Geschichte der Philosophie» («Lehrbuch der Philosophie») hrsg. von Max Dessoir. Zweiter Teil, параграф о психологии; см. особенно с. 192 и сл.)

⁶⁵ В идейной эволюции Джемса прослеживается неоднократная смена вех. Некоторый фактический материал об идейной эволюции Джемса можно найти в кн. *Perry R. B. In the Spirit of William James*. – New Haven, Yale University Press, 1938. Перри различает в эволюции Джемса три фазы: психологическую, феноменологическую и метафизическую. См. в указанной книге раздел III «The Metaphysics of Experience», p. 75–123.

цепция определяет его психологическое учение о памяти и восприятии⁶⁶.) Джемс полностью солидаризируется с бергсоновским пониманием соотношения мысли и мозга.

После Первой мировой войны в связи с усиливающейся политической и идеологической реакцией спиритуалистические тенденции сильно развиваются. Их наиболее воинствующим носителем становится католическая томистская психология, приобретающая значительное влияние во Франции, Италии и особенно в США. Эта философия воскрешает идеи главного авторитета средневековой схоластики – Фомы Аквинского.⁶⁷

(Одним из наиболее активных представителей и пропагандистов этой томистской психологии в США является Бреннан⁶⁸.)

Не очень свежий запас своих психологических идей томизм стремится подкрепить блоком с фрейдизмом.⁶⁹

Этот блок католической церкви с фрейдизмом на первый взгляд представляется удивительным ввиду позитивистических тенденций Фрейда и роли, которую в системе его идей играет сексуальность. Однако блок этот не случаен. Фрейдистское решение проблемы психического носит, по существу, спиритуалистический характер. В самом деле, Фрейд, как известно, утверждает строжайший психологический «детерминизм»; все психическое, по Фрейду, всегда детерминируется психическим же (бессознательное отчасти потому и нужно Фрейду, что в плане сознания такая непрерывность ряда психических явлений явно отсутствует) – это во-первых. Во-вторых, по-своему толкуя и неправоммерно обобщая случаи психогенных заболеваний, Фрейд рассматривает психические явления как первичные, а соматические, телесные изменения как вторичные, производные от психических. Таким образом, телесные явления определялись психическими, а психические – всегда психическими же. Это, по существу, спиритуалистическая постановка вопроса о психическом. Она-то и роднит в теоретическом плане фрейдизм со спиритуалистическим религиозным мировоззрением⁷⁰, подобно тому как в плане практическом, политическом реакционные круги прельщает во фрейдизме то, что он выдает якобы неизменную психологическую природу человека, его органические инстинкты, влечения за причину всего поведения людей не только в личной,

⁶⁶ См. особенно его работу «Материя и память». *Bergson H. Matiere et memoire. Essai sur la relation du corps et de Gesprit.* Paris, 1914. Русский перевод: *Бергсон А. Материя и память:* Пер. В. Базарова // Собр. соч. – СПб., 1914. – Т. 3.

⁶⁷ Появление спиритуалистических тенденций у Джемса тоже было, несомненно, связано с религиозными мотивами, но только не католического, томистского, а лютеранского толка. Многообразные тому доказательства дает его переписка, опубликованная его сыном (см. *The Letters of William James, ed. by his Son Henry James, vol. I—II.* – Boston, 1920). См. также *Perry R. B. The Thought and Character of William James.* – Boston, vol. II, 1935, p. 330. См., в частности, письмо Джемса от 31 марта 1901 г. к профессору Бостонского университета методисту Borden P. Boune, в котором Джемс пишет, что «старинное лютеранское чувство» у него в крови.

⁶⁸ См. *Brennan R. E. General Psychology. An Interpretation of the Science of Mind based on Thomas Aquinas.* – New York, 1937; *Ego же. History of Psychology from the Standpoint of a Thomist.* – New York, 1945. Эти книги вышли с разрешения католической цензуры, с грифами на обложке титульного листа: на первой из них – архиепископа нью-йоркского, на второй – монреальского. Другим образчиком «томистской психологии» может служить книга: *Donceel J. F. Philosophical Psychology.* – New York, 1955, вышедшая с санкции католической церкви за подписью епископа скрантонского. Эта книга также представляет собой попытку использовать некоторые экспериментальные данные для закрепления позиций католической, томистской концепции в психологии.

⁶⁹ Поучительным показателем этого блока может служить книга Мортимера Адлера. См. *Adler M. What Man has made of Man.* – New York, 1938. В этой книге томист Адлер всячески поднимает на щит Фрейда (см. особенно Lecture 4. *Psychoanalysis as Psychology*, p. 94—123), а директор Психоаналитического (фрейдистского) института в Чикаго Александер снабжает книгу Мортимера Адлера предисловием, в котором поддерживает позиции ее автора (см. там же, p. IX—XVI).

⁷⁰ См. *Nicholl D. Recent Thought in Focus. A Catholic Looks at recent Developments in Existentialism, logical Positivism, Freudianism and other modern Philosophies.* – New York, 1953. Николь пишет: «Фрейд заметил, что большое число физических недугов происходит от душевных конфликтов пациента. Он видел, что душевные конфликты могут привести к болезни тела. Поэтому в противоположность широко распространенному мнению Фрейд показал неадекватность чисто физического подхода к человеку, солидаризируясь в том вопросе с Фомой Аквинским» (p. 197). Психоаналитические концепции кладет в основу своей трактовки личности и томистская психология Донсиля (см. *Donceel J. F. Philosophical Psychology. Part five «Man as a Person».* § 20. – New York, 1955, p. 288—317).

но и общественной жизни. Усматривая основание господствующего политического строя, войн и т. д. во влечениях, заложенных в природе человека, а не в общественных отношениях, фрейдизм является, таким образом, наиболее действенной разновидностью реакционной идеалистической психологизированной социологии, выступающей под именем социальной психологии.

В противоположность всем разновидностям идеалистического монизма – как «нейтрального», маскирующегося, так и откровенного, спиритуалистического – и всем формам психофизического параллелизма, т. е. дуализма, материализм всегда утверждает первичность материальных процессов и вторичность, производность психического. В обосновании этого положения заключается большая историческая заслуга великих материалистов XVII—XVIII вв. Их идеи получили дальнейшее творческое развитие у русских революционных демократов второй половины XIX столетия. Вульгарный материализм конца прошлого столетия (Бюхнер, Молешотт), трактуя психические явления как отправление мозга, подобно выделению желчи печенью, не видит качественной специфики психических явлений; он поэтому не столько решает, сколько пытается упразднить требующую решения проблему психического. Материализм Бюхнера – Молешотта рассматривает проблему психического в замкнутой сфере внутриорганических отношений; познавательное отношение к внешнему миру для него никак не входит в исходную характеристику природы психического. Поскольку при этом психическое как изнутри детерминированное отправление организма обособляется от бытия, отражением которого оно на самом деле является, психическое лишается всякой объективности. Вульгарный материализм поэтому легко соскальзывает на позиции субъективно-идеалистической трактовки психического. Борьба материализма и идеализма в решении проблемы духа и материи, души и тела, сознания и природы продолжается и по сей день. И хотя в философии капиталистических стран преобладают различные идеалистические течения, в ней выступают и передовые мыслители, которые стремятся обосновать «новый» естественнонаучный материализм (как, например, Селларс⁷¹); а такие как Валлон прямо становятся на позиции диалектического материализма.⁷²

Этот краткий обзор – конечно, в крайне беглых чертах – показывает, как ставилась проблема психического дуализмом, «нейтральным» эпистемологическим монизмом и монизмом спиритуалистическим. Каков будет наш путь? Мы видим свою задачу не в том, чтобы в противовес всем этим «измам» – догматически преподнести ряд хорошо известных конечных, итоговых формул диалектического материализма, в которых обычно резюмируется решение так называемого основного вопроса философии. Сделать так – значило бы продемонстрировать верность букве, но не духу марксизма. Марксистская философия неразрывно связана с наукой, т. е. с исследованием конкретных явлений; ее положения – это итоговое философское обобщение результатов научных исследований. Поэтому мы начинаем не с итоговых формул, а с выяснения существенных связей, в которых реально выступают психические явления, с тем чтобы дать характеристику психического в каждой системе связей и таким образом в результате соответствующего исследования прийти к обобщающим философским положениям о природе психического.

Такой анализ вопроса о природе психического и месте психических явлений в системе существенных для них связей намечает принципиальную основу для его решения. Этой основой служит диалектико-материалистическое понимание взаимосвязи всех явлений в мире как их взаимодействия. Принцип детерминизма, в котором диалектико-материалистическое понимание взаимосвязи явлений получает свое методологическое выражение, лежит

⁷¹ См. *Sellars R. W. The Philosophy of physical Realism. Ch. XVI «Consciousness and the Brain-Mind».* – New York, 1932. – P. 406—443.

⁷² См. *Walton H. Psychologie et materialisme dialectique. Estratto dalla Rivista «societa».* Anno VII, № 2. Giugno, 1951. См. также «Encyclopedie Francaise», t. VIII «La vie Mentale». – Paris, 1938; *Henri Walton. Introduction a l'Etude de la vie mentale.*

в основе и рефлекторной теории психической деятельности и гносеологической теории отражения, которые, таким образом, смыкаются в единое, монолитное, целое.

Этот предварительный анализ определяет также и узловые вопросы дальнейшего исследования. В качестве таковых выступают прежде всего два взаимосвязанных вопроса: о гносеологическом отношении психических явлений к материальному миру как объективной реальности и о их связи с мозгом как органом психической деятельности. Поскольку мозг представляет собой орган, осуществляющий взаимоотношения организма, индивида, человека с внешним миром, правильно поставленный вопрос о связи психических явлений с мозгом неизбежно переходит в вопрос о зависимости психических явлений от взаимодействия человека с миром, от его жизни. Взаимодействие человека с миром, его жизнь, практика – такова реальная основа, в рамках которой раскрывается и формируется психическая деятельность как деятельность, осуществляющая познание мира и руководство действиями людей.

Из двух узловых вопросов дальнейшего исследования – как выше уже отмечалось – анализу должен будет сперва подвергнуться вопрос о познавательном отношении психических явлений к миру как объективной реальности; затем, идя в процессе познания от конечного результата к природным причинам, его обуславливающим, анализ обращается к раскрытию связи психических явлений с мозгом как органом, служащим для осуществления взаимодействия человека с внешним миром. Соотнося результаты исследования обоих этих вопросов, можно будет сформулировать итоговую философскую характеристику психического.

Глава 2

Психическая деятельность и объективная реальность. Проблема познания

1. Теория отражения

Познавательное отношение человека к миру возникает с появлением психической деятельности мозга как органа, служащего для осуществления взаимоотношений организма с окружающим миром. Взаимодействие индивида с миром – жизнь, у человека – практика образуют онтологическую предпосылку возникновения познавательного отношения индивида к миру. В специфическом смысле как общественный, исторический процесс познание человека связано с появлением языка. Только возникновение слова дает возможность фиксировать результаты познания и создает преемственность в познании, которое не сводится лишь к повторяющимся и по существу изолированным актам; появляется исторический *процесс* познания.

С возникновением познавательного отношения индивида к миру как объективной реальности встает гносеологическая проблема.

На вопрос о том, что представляет собой познание, теория отражения диалектического материализма отвечает так: познание – это отражение мира как объективной реальности. Ощущение, восприятие, сознание есть *образ* внешнего мира.

Понятие образа (*Image, Bild, Picture*) имеет широкое хождение в философской литературе различных направлений. Мало, значит, просто повторить исходную (или итоговую) формулу, согласно которой психические явления – ощущения, восприятия и т. д. – суть образы внешнего мира, существующего вне сознания и независимо от него. Надо еще – и это главное – уточнить то позитивное гносеологическое содержание, которое связывается с этой формулой в теории отражения диалектического материализма. Конечно, все разновидности *Bildtheorie* имеют и общие черты. Они заключаются прежде всего в признании существования вещей, независимых от их образа, – в противоположность идеалистическому «эпистемологическому» монизму (берклеанству, махизму и т. д.), подставляющему ощущение на место вещей. Само собой разумеется, никак не приходится недооценивать фундаментального значения этой общей черты всякой теории отражения. Но задача, стоящая перед нами, заключается в том, чтобы, учитывая эту общую черту, выявить специфические особенности теории отражения диалектического материализма, отличающие ее от старых разновидностей теории образов.

То, что ощущение, восприятие, сознание – *образ* внешнего мира, в теории отражения диалектического материализма означает, что их гносеологическое содержание неотрывно от их предмета. Образ – не идеальная вещь, существующая наряду с предметом, а образ предмета. Теория отражения диалектического материализма – это реализация линии материалистического монизма в решении гносеологического вопроса о соотношении образа и вещи. Это существеннейшим образом отличает теорию отражения диалектического материализма от *picture-theory* (или *Bildtheorie*), так называемого репрезентативного реализма (Декарта, Локка и их продолжателей)⁷³. Образ – это всегда образ чего-то, находящегося вне его. Самое понятие образа предполагает отношение к тому, что он отображает. Образом ощущение, вос-

⁷³ О так называемом репрезентативном реализме см. *Roy Wood Sellars. The Philosophy of physical Realism. Ch. II «Idealism an Interlude», § «Traditional representative Realism».* – New York, 1932. – P. 31–38.

приятие и т. д. становятся лишь в силу своего отношения к предмету, образом которого они являются. Поэтому образ – не идеальная вещь, существующая во внутреннем мире сознания наподобие того, как реальная вещь существует в материальном мире, и вещь – это не экстериоризированный образ. Образ как таковой конституируется познавательным отношением чувственного впечатления к реальности, находящейся вне его и не исчерпывающей его содержанием.

В центре современной гносеологической дискуссии в зарубежной, особенно англо-американской философии стоит борьба репрезентационизма и презентационизма, т. е. теории, согласно которой познается лишь непосредственно данное, так называемые *sense – data* (см. дальше в главе о восприятии). Спор между этими теориями по существу воспроизводит борьбу Беркли против Локка. Репрезентационизм объявляет себя «реализмом»; он признает, что объектом познания являются вещи, но поскольку для него идеи – это чисто субъективные состояния, отношение идей, ощущений, мыслей к вещам оказывается лишь соответствием между разнородными по существу членами двух параллельных рядов. Презентационизм, пользуясь слабостью репрезентационизма, пытается доказать, что единственными объектами, действительно доступными познанию, являются непосредственные чувственные данные – *sense – data*; таким образом, презентационизм – это феноменализм.

Так называемый репрезентативный реализм исходит из обособления и внешнего противопоставления образа и предмета, вещи. Образ превращается в некую идеальную вещь, которая существует сначала безотносительно к предмету в сознании, подобно тому как материальный предмет, вещь существует в материальном мире. Образ и предмет представляются как две вещи, принадлежащие к двум мирам: первый – к внутреннему духовному миру сознания, второй – к внешнему миру материальной действительности. Такое понятие образа является вместе с тем и основным понятием интроспективной психологии. Репрезентативный реализм стремится доказать, что эти субъективные образы, идеи все же представительствуют – «репрезентируют» вещи и «соответствуют» им. Однако указанное соответствие идей вещам – при дуалистических предпосылках, из которых исходит этот реализм, – повисало в воздухе. Установить наличие такого соответствия, исходя из представления «репрезентативного» реализма об «идеях» как чисто субъективных состояниях сознания, представлялось невозможным: сознание, замкнутое в сфере своих «идей», никак не могло «сличить» их с вещами. Идеализм, стремящийся свести истину к соответствию идей с идеями же, использовал это обстоятельство.

Основной аргумент идеализма: в процессе познания нам никак не «выпрыгнуть» из ощущений, восприятий, мыслей; значит, нам не попасть в сферу вещей; поэтому надо признать, что сами ощущения и восприятия – единственно возможный объект познания. В основе этого «классического» аргумента идеализма лежит мысль, что, для того чтобы попасть в сферу реальных вещей, надо «выскочить» из сферы ощущений, восприятий, мыслей, что, конечно, для познания невозможно.

Этот ход мыслей заранее предполагает доказанным то, что он стремится доказать. Заранее предполагается, что ощущение и восприятие – это только субъективные образования, внешние по отношению к вещам, к объективной реальности. Между тем в действительности вещи причастны к самому возникновению ощущений; ощущения, возникая в результате воздействия вещей на органы чувств, на мозг, связаны с вещами в своем генезисе.

Еще Беркли в свое время именно на критике репрезентативного реализма с его неспособностью обосновать познание внешнего мира попытался утвердить взгляд, что сами чувственные данные являются единственными объектами познания, и подставить, таким образом, чувственные данные на место вещей. Сейчас этим же путем идет неореализм. Действительно, если принять исходные посыпки репрезентативного реализма – признание образов, идей чисто субъективными состояниями сознания (хотя бы и вызванными в нашем

сознании внешним воздействием), то все попытки выйти из сферы субъективного мира, мира идей, сознания в мир реальных, физических, материальных вещей окажутся тщетными. Ошибка репрезентационализма, однако, не исправляется, а усугубляется, если сами эти чувственные данные подставить – как это делают Беркли и современный неореализм – на место вещей в качестве единственных непосредственных объектов познания.

Дуалистическое обособление образов, идей, явлений сознания от материальных вещей ведет к параллелизму. Соответствие идей вещам может быть только соотносительностью – неизвестно как и кем устанавливаемой – разнородных членов двух параллельных рядов. При таком параллелизме явлений сознания и явлений материального мира образы и идеи могут быть в лучшем случае только знаками материальных реальностей, находящимися лишь в формальном соответствии с ними, совпадающими с этими реальностями по внешним соотношениям, но никак не раскрывающими сущности вещей. Подлинное познание вещей становится невозможным, гносеологическая проблема – неразрешимой.

Такое понимание образа неизбежно приводит к роковым последствиям. Приняв его, уже нельзя выпутаться из противоречий, из фиктивных и потому неразрешимых проблем. Учение о восприятии увязает в необходимости разрешить загадку: как внутренний образ сознания выносится вовне и из мира сознания проникает во внешний материальный мир вещей. Поскольку образ, согласно исходной предпосылке, мыслится как особый идеальный предмет, по внутренней своей природе безотносительный к предметам материального мира, возможность правильного решения вопроса о связи образа с предметом заранее исключена.

На самом деле, существует не образ как идеальный предмет, обособленный от предмета материального или подставленный на его место, а *образ предмета*. Но образ предмета не есть его знак. Образ вообще, безотносительно к предмету, **отображением которого он является, не существует. Мы воспринимаем не образы**, а предметы, материальные вещи – в образах. Нельзя оторвать образ от предмета, не разрушив самого образа. Первоначальный путь ведет не от сознания к вещи, а от вещи к сознанию. Поэтому вопрос о том, как восприятие переходит от образов к вещам, это ложно поставленный вопрос. Пытаться ответить на него в такой постановке – значит идти в ловушку и попасть вместе с идеализмом в тупик⁷⁴. Для дуалиста, разрывающего внутреннюю связь образа и вещи, остаются лишь две возможности.

1. Образ противопоставляется вещи, замыкаясь во внутреннем мире сознания (дуализм образа как явления сознания и вещи в себе, духовного и материального мира или внешнего и внутреннего опыта; в гносеологии – репрезентативный реализм, в психологии – интроспекционизм).

2. Образ подставляется на место материальной вещи. Таков в философии путь Бергсона⁷⁵, махистов, неореалистов, позитивистов-феноменалистов, прагматистов, различных разновидностей эпистемологического монизма и т. д.

⁷⁴ Все вышесказанное о восприятии в принципе может быть распространено и на представление. Представления по преимуществу выступают и часто трактуются как «внутренние» образы, обособленные от вещей, поскольку представление – это в отличие от восприятия образ предмета, в данный момент отсутствующего. Однако и образы представлений являются образами предмета, они возникают в результате воздействия вещей; их воспроизводство вызывается первоначально опять-таки воздействием вещей, если не тех самых, то других, связанных в прошлом с воспроизводимой в представлении вещью. В тех случаях, когда субъект произвольно актуализирует то или иное представление в отсутствие вещи, которая в нем представлена, это обусловлено тем, что, объективируясь у человека в слове, представление может быть актуализировано без непосредственного воздействия вещей (первосигнальных раздражителей) посредством слова (второсигнального раздражителя). Значит, и представление является внутренним образом совсем не в смысле идеалистической интроспективной психологии, обособляющей образ, как принадлежащий к якобы замкнутому внутреннему миру сознания, от внешнего мира материальных предметов. Характеристика представления как внутреннего образа правомерна, лишь поскольку она выражает отличие представления от восприятия, а не обособление его от вещи, от предмета, в нем представленного.

⁷⁵ Bergson H. *Matiere et memoire*. Ch. I «De la selection des images pour la representation. Le role du corps», p. 58—71; ch. IV «De la delimitation et de la fixation des images. Perception et matiere. Ameet corps», p. 244—249. Ed. 2. Paris, 1914.

Теория отражения, строящаяся на основе материалистического монизма, преодолевает как все формы и последствия дуализма образа и вещи, так и все разновидности эпистемологического монизма откровенных идеалистов, неореалистов, позитивистов, прагматистов и т. д., который заключается в том, что образы, чувственные данные, идеи отождествляются с вещами, причем первые подставляются на место вторых. Свою идеалистическую установку эпистемологические монисты ошибочно выдают за преодоление субъективизма, потому что идеи, образы переводятся из статуса субъективных состояний в статус реальных вещей, отсюда «реализм» этих идеалистов.

Материалистический монизм определяет коренное, принципиальное отличие теории отражения диалектического материализма от так называемой *picture – theorie* или *Bildtheorie* (теория образа) репрезентативного реализма, которая строилась на *дуалистической* основе.

Конкретным выражением материалистического монизма в вопросе о гносеологическом отношении образа и вещи является положение: образ вещи – это идеальная, т. е. отраженная в субъекте, в его мозгу, *форма отраженного существования вещи*. Содержание этой формулы таково: это значит, что образ вещи – *не сама вещь и вместе с тем не знак вещи, а ее отражение*.

Принципиальное отличие теории отражения диалектического материализма от традиционной теории образа (*Bildtheorie*) находит выражение и в коренном отличии диалектико-материалистического учения об истине как адекватности мышления бытию от представления репрезентативного реализма о соответствии мышления бытию. Согласно репрезентативному реализму, всякое суждение (*A* есть *B*) утверждает нечто в отношении моих мыслей; это утверждение оказывается истинным, если обнаруживается, что так же, как в моих мыслях, дело обстоит в действительности. (Неизвестно только, как это может обнаружиться, поскольку согласно исходной позиции бытие выступает для меня лишь в мыслях, в явлениях сознания.) Здесь адекватность мысли бытию, характеризующая истину, трактуется как внешнее соответствие членов одного ряда членам другого – в духе дуалистического параллелизма. На самом деле суждение есть утверждение не о мыслях, а об объекте этих мыслей, о бытии. Истинность суждений – в адекватности утверждения о бытии, объекте наших мыслей, самому бытию, а не в адекватности бытию того, что мы утверждаем о наших мыслях. Эта последняя постановка вопроса, по существу, исключает истину в подлинном ее значении. Истина не есть нечто внешнее по отношению к познанию, поскольку познание не есть нечто внешнее по отношению к бытию. Само познание есть выявление бытия субъектом, который существует не потому, что он мыслит, познает, а наоборот, мыслит, познает потому, что он существует. Сказать о мыслях, что они истинны, и сказать, что они – познание своего объекта, это одно и то же. Познание не является внешним по отношению к бытию, истина не является внешней по отношению к познанию, нормальный статус мыслей – быть познанием, т. е. формой отраженного существования их объекта.

Истина объективна в силу адекватности своему объекту, не зависимому от субъекта – человека и человечества. Вместе с тем как истина она не существует вне и помимо познавательной деятельности людей. Объективная истина – не есть сама объективная реальность, а объективное познание этой реальности субъектом. Таким образом, в понятии объективной истины получает конденсированное выражение единство познавательной деятельности субъекта и объекта познания.

Если в исходной посылке признать чистую субъективность психических явлений, то никакими последующими аргументами этой ошибки не исправить, не восстановить связи психического с объективной реальностью и не объяснить возможности ее познания. Необходимо исключить такое субъективистическое понимание психических явлений в *исходных* позициях. Психические явления возникают в процессе взаимодействия субъекта с объективным миром, начинающегося с воздействия вещи на человека. В вещах – источник происхож-

дения всех представлений о них. Связь психических явлений с объективной реальностью заложена в самом их возникновении, она – основа их существования. По самому смыслу и существу сознание – всегда есть осознание чего-то, что находится вне его. Сознание – это осознание вне его находящегося объекта, который в процессе осознания трансформируется и выступает в форме, в виде ощущения, мысли. Этим, конечно, не отрицается различие сознания и его объекта – бытия, но вместе с тем подчеркивается единство сознания, ощущения, мышления и т. д. с их объектом и то, что *основой* этого единства служит объект. В таком понимании психических явлений получает свое исходное выражение материалистический монизм в теории познания.

В гносеологическом отношении психических явлений к их объекту выступает противоположность субъективного и объективного, существенная в гносеологическом плане. Однако для того, чтобы подчеркивание этой противоположности не привело к дуализму, необходимо раскрыть и то единство, в рамках которого она раскрывается. Поэтому важно подчеркнуть не только противоположность, но и исходное единство ощущений, мыслей, сознания и объективной реальности, отражением, осознанием которой они являются.

Идеалистическое мировоззрение исходит из замкнутого в себе внутреннего «мира» субъективных психических явлений. Находящаяся в плену у этого мировоззрения философская мысль безуспешно бьется над тем, как прорваться и можно ли прорваться из этой замкнутой субъективности к объективному миру. Материалистический монизм диалектического материализма сразу же исходит из внешнего объективного мира. Отправляясь от него, теория отражения идет к психическим явлениям. Таков коперниковский переворот, осуществляемый теорией отражения.

Итак, первая коренная отличительная черта теории отражения диалектического материализма заключается в том, что она снимает обособление и дуалистическое противопоставление образа предмету. Гносеологическое содержание образа (ощущения, восприятия и т. д.) неотрывно от предмета.

Подобно тому как образ не может быть обособлен от предмета, образ неотделим также от *процесса* отражения, от познавательной деятельности субъекта.

Отрыв *образа от процесса* отражения означает порочную субстанциализацию образа, ведет к уничтожению самого предмета психологического исследования и дает простор для всяческих превратных представлений как об одном, так и о другом⁷⁶. Весь процесс отражения, таким образом, мистифицируется: на одной стороне оказывается материальный физиологический процесс, на другой – неизвестно как выступающий из него идеальный образ. При этом образ как идеальный неизбежно противопоставляется материальному процессу и тем самым обособляется от него. (Это обособление и осуществлял Рассел, когда он стоял на позициях объективного идеализма.) Не приходится специально доказывать, что признание обособленного существования чего-то чисто идеального – это квинтэссенция идеализма.

В действительности мы нигде не встречаем образа как обособленно существующего идеального. Он не существует помимо отражательной деятельности субъекта, его мозга. При

⁷⁶ Расчленение образа и процесса, его порождающего, обособление их друг от друга является, в частности, основным приемом, посредством которого современные англо-американские неореалисты и прагматисты реализуют свои теоретические замыслы. Очень обнаженно и грубо это выступает – как уже отмечалось, – например, у Рассела. Так, в восприятии он отчленяет образ восприятия (*percept*) от восприятия (*perception*) как процесса. Отрыв образа от психического процесса потому и нужен неореалисту, продолжателю махизма, что он развязывает руки для подстановки образа на место вещи. С другой стороны, процесс, из которого выпал образ, теряет свое психологическое содержание, перестает быть психическим процессом. Психическое, как предмет психологического исследования, испаряется. В психологии неореалиста и прагматиста поэтому торжествует бихевиоризм: сознание изъято из человека и подставлено на место бытия. У человека, как предмета психологии, остаются только реакции! Расчленение восприятия на образ (*percept*) и процесс (*perception*) Рассел использует как доказательство своей «нейтральности» в борьбе материализма и идеализма, как свидетельство того, что он якобы стоит над обеими борющимися сторонами.

этом деятельность, в процессе которой выступает чувственный образ предмета, – это не единый акт сотворения образа, отделяющегося от чужеродных ему материальных физиологических процессов, а координированный ряд чувственных деятельностей – чувственного анализа и дифференцировки различных свойств предмета и чувственного синтеза, связывающего отдельные чувственные качества в цельный образ предмета. Образ связан с отражательной деятельностью не только по *происхождению*, но и по *существованию*.

Таким образом, неразрывно связывая образ с отражательной деятельностью субъекта, теория отражения борется против всякой субстанциализации образа как идеального, против всякого его гипостазирования.

С этим связана вторая, не менее существенная черта теории отражения диалектического материализма, отличающая ее от *Bildtheorie* метафизического материализма. «Основная *беда* метафизического материализма есть, – писал Ленин, – неумение применить диалектики к *Bildertheorie*, к процессу и развитию познания».⁷⁷

Для представителей домарксовского материализма отражение представляло собой пассивный отпечаток вещи в результате ее механического воздействия на то, в чем она отражается. Дидро прямо сравнивал мозг с воском, на котором вещи оставляют свой отпечаток. Для домарксовского материализма отражение – это пассивная рецепция внешнего воздействия субъектом, его мозгом: для диалектического материализма – это результат взаимодействия субъекта с объективным миром, воздействия внешнего мира и им обусловленного ответного действия субъекта, его мозга. Отражение – не статический образ, возникающий в результате пассивной рецепции механического воздействия вещи; само отражение объективной реальности есть *процесс, деятельность* субъекта, в ходе которой образ предмета становится все более адекватным своему объекту.

Только перейдя от статического образа, идеи к процессу, к деятельности познания, к конкретной диалектике субъекта и объективного мира в их взаимодействии, можно адекватно разрешить проблему познания, проблему идеального и материального – основной вопрос философии.

То, что психическая деятельность есть отражение, означает вместе с тем, что отражение есть *деятельность, процесс*. С этим положением связана глубокая перестройка самого понятия отражения, которое домарксовский материализм считал отношением между вещью и ее идеальным отпечатком. В теории отражения домарксовского материализма в качестве основного выступает непосредственное соотношение вещи и образа. Для диалектико-материалистической теории отражения исходным является взаимодействие человека как субъекта с миром; соотношение этих двух реальностей выступает здесь как основное, исходное. Образ, идея существует лишь в познавательной деятельности субъекта, взаимодействующего с объективным миром. Взятое в своей конкретности отношение психического к миру выступает в единстве познавательного процесса как отношение субъективного к объективному. Отношение идеи, или образа, как идеального к предмету как материальной вещи есть лишь абстрактно выделенная сторона, момент, аспект этого исходного отношения. Выделение этого специального аспекта – это только абстракция, правомерная, нужная абстракция, но все же абстракция, вскрывающая лишь момент, аспект, сторону реального отношения психической деятельности к миру, отношения, взятого в его конкретности. Само это отношение – *процесс, деятельность, взаимодействие*. Включенный в этот процесс, в котором он только и существует, образ выходит из якобы статического отношения к предмету. Это отношение выступает в своем истинном виде как процесс познавательной деятельности субъекта, в которой одно определение, один образ предмета снимается другим, более адекватным, более глубоким. В динамике этого процесса диалектически осуществляется непре-

⁷⁷ Ленин В. И. Философские тетради. – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 330.

рывное приближение образа к предмету, все более полное раскрытие предмета в образе, все же никогда не способное исчерпать его бесконечного богатства (см. также главу III, § 2 и главу IV § 1 (б) настоящей работы).

Теория отражения диалектического материализма представляет собой, собственно, распространение на процесс познания принципа детерминизма в его диалектико-материалистическом понимании, согласно которому, как отмечалось выше, внешние причины действуют через внутренние условия. Всякий процесс детерминируется внешними объективными условиями, преломляющимися через внутренние закономерности данного процесса. Это относится и к процессу познания. Можно определить теорию отражения диалектического материализма посредством распространения на процесс познания выше сформулированного принципа детерминизма.

Мышление определяется своим объектом, но объект не непосредственно определяет мышление, а опосредствованно через внутренние законы мыслительной деятельности – законы анализа, синтеза, абстракции и обобщения, – преобразующей чувственные данные, не выявляющие в чистом виде существенные свойства объекта, и приводящей к его мысленному восстановлению.

2. О психическом как идеальном

В гносеологическом отношении к объективной реальности психические явления выступают как ее образ. Именно с этим отношением образа к предмету, идеи к вещи связана характеристика психических явлений как идеальных; именно в гносеологическом плане психическое выступает как идеальное. Это, разумеется, не значит, что психические явления перестают быть идеальными, когда они рассматриваются в другой связи, например как функция мозга. Характеристика психических явлений – как и любых других – не зависит от точки зрения, с которой они рассматриваются. Психические явления объективно как таковые всегда стоят в гносеологическом отношении к объективной реальности и поэтому они всегда сохраняют эту характеристику идеального. Но иррадированное распространение характеристики психического как идеального за пределы той системы связей, в которой оно действительно выступает в этом качестве, на психическое в целом, во всех его связях и опосредствованиях, ничего кроме теоретической путаницы породить не может.

Характеристика психического как идеального относится, собственно, к продукту или результату психической деятельности – к образу или идее в их отношениях к предмету или вещи. Превращение отношения идея – вещь в основное гносеологическое отношение (каковым в действительности является взаимодействие человека как субъекта с миром) служит источником универсализации характеристики психического как идеального (см. стр. 72). Возникновение проблемы идеального в платонизме недаром было связано с противопоставлением *идей* и чувственно данных *вещей*. Идеальность по преимуществу характеризует идею или образ, по мере того как они, объективируясь в слове, включаясь в систему общественно выработанного знания, являющегося для индивида некоей данной ему «объективной реальностью», приобретают, таким образом, относительную самостоятельность, как бы вычлняясь из психической деятельности индивида. На психическую деятельность идеальность распространяется опосредствованно, вторично, поскольку ее продукт, ее результат – это идея, образ. Психическая деятельность идеальна преимущественно в своем результативном выражении. Противопоставляться материальному психическая деятельность может лишь в качестве *духовной*, поскольку она оказывается насыщенной идейным содержанием, приобретенным в процессе общественно организованного познания.

В результате выделения анализом отношения образа или идеи к предмету или вещи выступает противопоставление идеального материальному и возникает опасность обособ-

ления идеального от материального, внешнего дуалистического противопоставления первого второму. Вековая дискуссия по этому вопросу открывается еще борьбой Аристотеля против «хорисмоса», против обособления идей от вещей у Платона.

Признание существования идеального, его специфичности и относительной самостоятельности по отношению к материальному миру чувственно данных вещей и вместе с тем преодоление его обособления – имеет два взаимосвязанных аспекта. Один из них связан с отношением образа, идеи к предмету, к вещи, другой – с их отношением к субъекту, к его познавательной деятельности.

Путь к решению этой проблемы в первом ее аспекте открывает теория отражения, реализующая в теории познания материалистический монизм. Положение, согласно которому гносеологическое содержание ощущения, восприятия и т. д. неотрывно от предмета (а то, что они *образ* вещи, именно это и означает), есть преодоление обособления образа, идеи от предмета; этим и определяется способ, которым теория отражения диалектического материализма завершает начатую еще Аристотелем борьбу против обособления идей.

Образ, идея (понятие, мысль), не обособимые в своем гносеологическом содержании от предмета, вещи, от объективной реальности, существующей независимо от них, вместе с тем не совпадают непосредственно со своим предметом, во-первых, потому что они никогда не исчерпывают всего бесконечного богатства, всей полноты содержания предмета, и, во-вторых, потому что исходное, непосредственно, чувственно данное содержание его преобразуется в процессе познания – в результате анализа и синтеза, абстракции и обобщения, посредством которых мышление идет ко все более всестороннему и глубокому раскрытию бытия своего предмета. Это несовпадение идеи с чувственно данной вещью служит отправным пунктом и мнимым основанием для обособления идеи от вещи.

В неразрывной связи с вопросом об отношении образа к предмету, идеи к вещи стоит вопрос об отношении образа, идеи к субъекту, к его познавательной деятельности. Необходимо преодолеть обособление образа, идеи и в этом отношении: идеи (понятия) не возникают помимо познавательной деятельности субъекта, образ не существует вне отражения мира, объективной реальности субъектом.

При этом вопрос об отношении образа, идеи к объекту и его отношении к субъекту – это единый вопрос о месте и роли образа, идеи во взаимодействии субъекта с объективным миром.

Относительное обособление идей от вещей, содержания знания – от чувственно данного бытия связано с тем, что идеи, знания формируются в результате познавательной деятельности субъекта, путем анализа и синтеза, абстракции и обобщения, преобразующих исходные эмпирические данные, в которых непосредственно выступают вещи и явления действительности: с другой стороны, независимость идеального содержания знания от субъекта, его объективность обусловлена его зависимостью от бытия, отражением которого оно является. Правильное понимание отношения образов, идей, мыслей, идеального содержания знания к чувственно данным вещам и явлениям, к объекту познания, предполагает правильное понимание их отношения к субъекту, к его познавательной деятельности, и, наоборот, правильное понимание отношения содержания знания к познавательной деятельности субъекта невозможно без правильного понимания его отношения к объекту познания; не поняв правильно одно, нельзя правильно понять и другое.

Отрицание идеалистического обособления и дуалистического противопоставления идеального материальному миру как объективной реальности и взаимодействующему с ней субъекту не исключает *относительной* самостоятельности идейного содержания научной мысли, познания, знания по отношению как к чувственно данным материальным вещам, так и к субъекту, не исключает объективности идеального содержания знания.

Объективируясь в слове, продукты познавательной деятельности человека (чувственные образы, мысли, идеи) сами становятся объектами дальнейшей мыслительной работы. Взаимосвязь, взаимозависимость идей, понятий делает их относительно независимыми от мыслительной деятельности субъекта (и от эмпирически данного содержания отдельного объекта). Включаясь в эти связи, содержание познавательной деятельности субъекта выступает в преобразованном виде. Мыслимый в потенциально бесконечном богатстве своего, преобразованного при этом содержания, каждый член этой системы выступает уже не как мысль индивида, а как ее идеальный объект. Так, например, любое число, возникая в результате работы мысли, вскрывающей количественные отношения между множествами предметов, включается в систему, в бесконечный ряд чисел, с которым любое единичное число связано определенными отношениями. В любой из этих бесчисленных связей с бесконечным количеством других чисел каждое число выступает в новом качестве (скажем, 4 как $3+1$, $2+2$, как 2×2 , 22, как $5-1$, $6-2$, как $3\sqrt{64}$ и т. д.). В этом своем многообразии каждое число выступает как неисчерпаемый мыслью индивида идеальный ее объект.

Система, в которую, преобразуясь при этом, входят мысли индивида, продукт его познавательной деятельности, – это система научного знания, формирующаяся в ходе общественно-исторического развития. Она выступает для мышления индивида как «объективная реальность», которую он преднаходит как существующее независимо от него общественное достояние и должен своей познавательной деятельностью *усвоить*. В процессе обучения, неотрывного общественно организованного познания человека, сложившаяся в ходе исторического развития система научного знания выступает перед индивидом как объект усвоения.

Через продукты психической деятельности как деятельности познавательной совершается переход из сферы психического как предмета психологического изучения в сферу *идеального содержания знания*, математического, физического и т. п. (именно оно и является идеальным в собственном смысле слова), отражающего определенные стороны бытия, существующего вне и независимо от познавательной деятельности. Это и значит, что психическая деятельность есть *отражение* объективной реальности или, иначе, что в результативном выражении, через свои продукты, она переходит в нечто качественно иное, специфическое – математическое, физическое и т. д. знание тех или иных сторон или свойств бытия. Игнорирование этого фундаментального положения, сведение объективного идеального содержания знания к мыслям индивида, взятым лишь в их зависимости от последовательных стадий мыслительного (психического) процесса, который к ним привел, вне взаимозависимости объективного содержания мыслей, отражающих закономерность объективной реальности, – это суть так называемого психологизма, составляющего ядро субъективного идеализма.

В силу своей зависимости от бытия и взаимозависимости различных частей системы знания содержание его приобретает в известном отношении независимость от субъекта. В этом *гносеологические корни* платонизма – классической формы, в которой исторически выступил так называемый объективный идеализм; гносеологические корни всякого *объективного идеализма*, который обособляет идеи, идеальное содержание знания от чувственно данных вещей материального мира и вместе с тем противопоставляет их познающему субъекту его мыслительной деятельности. (Поскольку идейное содержание знания обособляется объективным идеализмом от познавательной, психической деятельности субъекта, объективный идеализм выступает в виде так называемого *антипсихологизма* – подобно тому как так называемый психологизм образует ядро субъективного идеализма.)

Позиция объективного идеализма, как и идеализма субъективного (а, в конечном счете, также антипсихологизма и психологизма), связана с довлеющей над этими направлениями философской мысли ложной альтернативой, согласно которой содержание знания либо объективно – тогда оно существует помимо познавательной деятельности субъекта, либо оно

продукт познавательной деятельности субъекта – тогда оно только субъективно. Между тем в действительности никакие идеи, понятия, знания не возникают помимо познавательной деятельности субъекта, что не исключает, однако, их объективности. Объективность знания не предполагает того, что оно возникает помимо познавательной деятельности человека; все идеальное содержание знания – это и отражение бытия и результат познавательной деятельности субъекта. Всякое научное понятие – это *и* конструкция мысли, *и* отражение бытия.

Для платоновского объективного идеализма идеи, понятия, содержание научного знания представляются непосредственно интуитивно данными⁷⁸. Таким образом, снимается мыслительная деятельность, в результате которой и возникают понятия, идеи. В соответствии с этой исходной позицией сознание индивида рассматривается как простая проекция объективного состава знания. Все, что заключено в объективном составе знания, непосредственно переносится в индивидуальное сознание, предполагается непосредственно данным ему. Таким образом, по существу, снимается мыслительная деятельность индивида, посредством которой он, анализируя наличную систему знаний, сложившуюся в процессе общественно-исторического развития, переводит ее в план своего индивидуального сознания, усваивает ее и применяет к решению встающих перед ним задач. Мыслительная деятельность индивида, *процесс* мышления вовсе перечеркивается: мышление как предмет психологического исследования вовсе ликвидируется объективным идеализмом. Реализуя эту установку, представители объективного идеализма платоновского типа стремились уничтожить какие бы то ни было мыслительные операции, сведя их к совокупности отношений между якобы извечно данными статическими терминами, членами этих отношений⁷⁹ (Рассел, Кютюра).

В отличие от платоновского идеализма в идеализме Гегеля движение мысли выступает как деятельность и опосредствование, однако сама идея превращается в субъекта, подставляется на его место. Таким образом, движение мысли сводится к движению продуктов мышления, подставляемого на место познавательной деятельности субъекта. Историческое развитие знаний изображается как деятельность субъекта.

Не подлежит сомнению, что всякая обоснованная мыслительная операция основывается на определенных логически формулируемых отношениях и их свойствах. Так, отноше-

⁷⁸ Такова позиция и Гуссерля и Рассела. (Здесь имеются в виду работы Рассела в ранний период его научной деятельности, когда он вместе с Уайтхедом был еще платоником, до того как он затем стал то юмистом, то берклеанцем.)

⁷⁹ В соответствии с этим ученые, стоящие на позициях объективного идеализма, строят теорию чисел, основы геометрии и т. д., пытаясь устранить всякую деятельность по «конструированию» новых идеальных объектов, сводя все к соотношениям изначально данных элементов. Критикуя позицию объективного идеализма, Пиаже противопоставляет ей «операционализм», восходящий к Бриджмену. Нам представляется, что Пиаже без достаточных оснований как будто безоговорочно солидаризируется с операционализмом Бриджмена, стоящего на позициях откровенного релятивизма. Во главу угла Бриджмен ставит зависимость результата познания от способов познания (определенной величины – от способов измерения и т. п.); при этом вовсе выпадает основная зависимость результатов познания (измерения и т. п.) от самого объекта. Не приходится отрицать зависимости результата познания (измерения и т. п.) от способов, которыми оно осуществляется, но эта зависимость лишь опосредует основную и решающую зависимость результатов познания от объекта, свойствами которого обусловлены и самые способы измерения. Именно поэтому при использовании различных способов измерения и вообще познания одного и того же объекта требуется соблюдение определенных закономерных отношений, позволяющих переходить от одного способа измерения, определения величины и т. д. к другому так, чтобы соблюдалась была инвариантность результата. Но самую же инвариантность как основное требование к операциям, приводящим к научному понятию, Пиаже выводит лишь из взаимоотношений операций, из их взаимного уравнивания. В результате инвариантность выступает как будто не только как критерий, но и как основа объективности конструируемого мыслью понятия, между тем как на самом деле эта инвариантность – лишь индикатор его объективности, основой которой является адекватность объекту. Понятие объективно, не поскольку оно инвариантно; оно должно быть инвариантно, поскольку оно объективно: основа в этом. В своих исследованиях мыслительных операций Пиаже подчеркивает принцип инвариантности. Пиаже рассматривает операции как высший уровень в уравнивании индивида с внешним миром; постольку на передний план должно бы выступить познание внешнего мира, учет объективных условий жизни. Однако мыслительные операции у Пиаже нередко как будто выступают скорее непосредственно как способы приспособления, чем как собственно способы познания. Это и сблизает Пиаже с Бриджменом. См. *Piaget J. Logic and Psychology*. – Manchester University Press, 1953. – I «History and Status of the Problem». – P. 1–8.

ние импликации между двумя положениями ($p > g$; из p вытекает g) выступает в качестве логической *операции*, позволяющей из двух совместно данных гипотетических положений вывести третье в силу свойства транзитивности ($p > q, g > r, p > r$), которым характеризуется *отношение* «импликации». Но не менее несомненно, что сами эти логические отношения открываются в итоге мыслительной деятельности, в результате мыслительных операций.

Основной порок объективного идеализма платоновского образца заключается в том, что он изображает раз и навсегда данным, помимо познавательной деятельности субъекта, то, что на самом деле является ее результатом; он фиктивно выдает никогда не законченный результат никогда не завершенной познавательной деятельности за нечто изначально данное ей. Основной вывод, который следует из понимания этого порока, состоит в том, что *знание, его идейное содержание – как бы ни было оно объективно – никогда не возникает помимо познавательной деятельности субъекта и не существует безотносительно к ней*.

Для того чтобы это положение имело однозначный смысл и, противопоставляясь объективному идеализму, не открыло бы путь идеализму субъективному, психологизму, не привело бы к релятивистической субъективизации человеческого знания, необходимо уточнить соотношение *логического и психологического* в характеристике познавательной деятельности.

Представители объективного идеализма, стремящиеся свести операции к отношениям между данными терминами (Рассел раннего периода, Кутюра и др.), изгоняют всякую деятельность из сферы объективного познания (тем самым они изымают и все объективное, логическое: в понимании познавательной *деятельности* они – психологи). В познавательной деятельности они видят лишь ее субъективно-психологический аспект. Их логицизм является оборотной стороной психологизма. Психологизм и антипсихологизм – две стороны одной и той же позиции, два проявления одной и той же исходной принципиальной ошибки. Для того чтобы по существу преодолеть как антипсихологизм объективного идеализма, так и психологизм идеализма субъективного, нужно преодолеть их общую основу. Нужно правильно понять соотношение психологического и логического в познавательной, в мыслительной деятельности.

И логика и психология изучают мышление в процессе его развития. Но логика изучает его в процессе исторического развития объективированных продуктов знания; психология же имеет дело только с мышлением индивида. Всякая познавательная (мыслительная) деятельность индивида есть психическая деятельность, которая как таковая может быть предметом психологического исследования. Предметом психологического исследования является мышление индивида в причинной зависимости процесса мышления от условий, в которых он совершается. Психические законы – это законы мышления как *процесса*, как мыслительной деятельности *индивида*; они определяют ход его мышления в закономерной (причинной) зависимости от условий, в которых совершается мыслительный процесс. Логика же формулирует те соотношения мыслей (продуктов мыслительной деятельности), которые имеют место, когда мышление адекватно своему объекту – бытию, объективной реальности⁸⁰. Значит, одна и та же познавательная деятельность индивида является предметом и

⁸⁰ Ясно, таким образом, что логика – не нормативная дисциплина, ее законы говорят не о том, что должно быть, а сперва о том, что есть, – о том, каким условиям отвечает мысль, адекватная своему объекту. Лишь поэтому можно затем, обратив вторично законы логики в нормы, относящиеся не к тому, что есть, а к тому, что должно быть, сказать, что мышление, чтобы быть истинным, должно следовать законам логики. Подобно этому и этика в своей основе – не нормативная дисциплина: она первично говорит не о том, что должно быть, а анализирует то, что есть. Она не извне навязываемое морализирование, а наука, раскрывающая внутреннюю сущность человеческой жизни, подлинно человеческих отношений. Она вскрывает условия, которым удовлетворяют подлинно человеческие отношения, и затем уже формулирует эти условия как нормы поведения, как требования, которые должны быть соблюдены в отношениях между людьми. Идеал, который формулирует этика, приобретает реальное значение, если при этом учитываются возможность и перспективы развития человеческих отношений. Этика неотрывна от политики, но не сводится к политике. Человеческие отношения, определяемые этикой, это

психологического и логического исследований. При этом процесс и его результат – образ – в познавательной деятельности индивида неразрывно взаимосвязаны. Поэтому нельзя отнести психологические исследования к процессу, взятому безотносительно к его «продукту» или результату, так же как нельзя, анализируя соотношения мыслей в познавательном содержании, вовсе оторвать их от процесса мышления, в результате которого они возникают.

Основным предметом психологического исследования является раскрытие причинных закономерностей того протекания процесса мышления, который приводит к познавательным результатам, удовлетворяющим соотношениям, выражаемым положениями логики.

Ключ к подлинному решению вопроса о взаимоотношениях психологии и логики, преодолевающему как психологизм, так и антипсихологизм, заключается в том, что *мысль* – это одновременно и *продукт мышления*, результативное выражение мыслительного процесса, и *форма отраженного существования ее объекта*. Эти два положения сочетаются в единое целое, потому что сам процесс мышления детерминирован объектом, который в нем раскрывается в форме мысли. Мышление опосредствует зависимость мысли от объекта и само детерминировано им. В силу этого в процессе познания «логика» бытия как объекта мысли переходит в строение мышления. Мышление складывается у человека в процессе индивидуального развития по мере того, как этот переход совершается.

Очевидно, что, если бы мышление никак не отвечало логическому строю объекта мысли, не было бы логики и в мыслях. В фактическом ходе формирования мышления в процессе индивидуального развития логический строй объекта мысли определяет строение мышления и через его посредство логику *мыслей*.

Ход исторического развития системы научного знания приводит к выявлению все новых логических форм, отвечающих природе объекта. Так, логика Аристотеля выразила закономерности классифицирующего естествознания. Новейшие исследования по математической логике выявили новые логические операции, выходящие за пределы аристотелевских силлогистических умозаключений, и открыли возможность разрешать логические задачи, недоступные для традиционной логики, сложившейся на основе достижений предшествующего этапа развития научного познания.

В ходе исторического развития научного познания, прежде чем человечество пришло к осознанию законов логики и сформулировало их как таковые (впервые у Аристотеля и затем далее вплоть до Буля и его продолжателей), отраженная в них объективная логика бытия как объекта мысли практически осваивалась человечеством в ходе всего процесса познания мира.

Мышление людей во все большей мере стало фактически совершаться *в соответствии* с законами логики прежде, чем люди осознали самые эти законы и смогли перейти к мышлению на основе сознательного их применения. И после того как законы логики были осознаны, открыты, люди обычно мыслят, просто следуя логике предмета мысли, а не проделывая как бы упражнения на применение той или иной логической формулы. Этот объективный логический строй, отложившийся в системе научного знания, а не правила логики, первично определяет формирование мышления человека. Правила логики, с которыми потом знакомится человек, служат для того, чтобы контролировать мысль и выправить ее в случае отклонения от правильного пути.

отношения общественно-обусловленные (как все в человеке), но это не общественные отношения в смысле отношений, в которые вступает общество. В этических нормах есть ядро, которое сохраняет свою силу для человеческих отношений при всех изменениях политической ситуации. Однако этика не может быть оторвана от конкретных реальностей политики. Этика, которая отгораживается от политики, – это маниловщина или нечто еще худшее, это ханжество и лицемерие, желание во всеуслышание провозгласить нравственный идеал и скрытое нежелание, чтобы он претворился в действительность, перестал быть только «идеалом», только чем-то, что должно быть, но чего на самом деле нет.

Можно пояснить ход формирования логического строя мысли аналогией с развитием речи. В ходе своего индивидуального развития человек овладевает грамматическим строем родного языка сперва не посредством изучения и применения правил грамматики, а практически, в силу того, что *грамматический строй самого языка* (а не отражающие его законы или правила грамматики) в процессе общения детерминирует складывающееся грамматическое строение речи; приобретаемое затем знание грамматики лишь помогает осознавать, контролировать грамматическую структуру речи. Подобно этому строение мышления в ходе умственного развития складывается у человека, у ребенка в соответствии с законами логики, по мере того как он овладевает системой научных знаний с отложившимся в них логическим строем мыслей, отражающим объективную логику предмета.

По мере того как подрастающий человек в процессе обучения овладевает системой научных знаний, он практически осваивает заключенный в них логический строй мыслей. У него складывается строй мышления, детерминированный объектом мыслительной деятельности и все более точно отвечающий все более сложной логической системе. Поэтому посредством логической характеристики строя мыслей, доступного ребенку, можно охарактеризовать строение мыслительной деятельности, формирующейся у него на данной ступени развития.⁸¹

Таким образом, «классическая» логика и «классическая» философская психология были не совсем неправы, утверждая, что законы логики в какой-то мере выражают и фактическую структуру мышления. Но выражая структуру мышления, поскольку мышление в той или иной мере отвечает им, законы логики не определяют, однако, причинно процесса мышления, как полагали «логицисты» в психологии, – так же как психологические законы, отражающие объективную закономерность процесса мышления, не обосновывают законов логики, как думают «психологи» в логике.

Ошибка психологизма заключается не в том, что он рассматривал познавательную деятельность индивида как психический процесс, а в том, что он пытался свести логические соотношения между содержанием мыслей, являющиеся условиями их адекватности бытию, к соотношению различных этапов мыслительного процесса и в их зависимости от условий его протекания. Несостоятельность психологизма состоит, следовательно, в том, что познавательная деятельность выступает для него *только* в том аспекте, который характерен для психологического исследования (а не в том, что она вообще выступает и в этом аспекте), в том, что он *сводит* логические отношения между мыслями к психологическим закономерностям, выражающим взаимоотношения между последовательными этапами процесса мышления, т. е. – в конечном счете – в том, что он смешивает две разные системы отношений, в которые объективно входит познание мира индивидом и в которых оно должно быть изучено.

С другой стороны, фиксируя логические соотношения, существующие между мыслями, адекватными бытию, не приходится игнорировать того, что речь при этом идет о логической характеристике познавательной деятельности в ее результативном выражении. Ошибка логицизма в психологии, параллельная ошибке психологизма в логике, заключается в том, что логические закономерности, выражающие соотношения между мыслями, подставляются на место закономерностей, выражающих соотношения между последовательными этапами процесса мышления. Отвергнута должна быть именно эта подстановка, это смешение разных систем связей, отношений, в которых выступает познавательная деятельность индивида, а не возможность (и необходимость) дать *и* психологическую *и* логическую

⁸¹ Попытку дать такую характеристику различных уровней развития мышления ребенка, выражая в формулах логики доступный им на каждой ступени строй мыслей, сделал в своих работах Пиаже. См. *Piaget J. Logic and Psychology. II «Psychological Development of Operations»*, p. 18—22; IV «Conclusion: The psychological Meaning of the logical Structures». – P. 38—48. – Manchester University Press, 1953.

характеристики одной и той же познавательной деятельности человека. То, что обычно обозначают как логический *процесс* – анализа, синтеза, индукции и т. д., – это на самом деле не особая, *логическая* деятельность, а *познавательная деятельность*, взятая в ее логическом выражении. Это частное выражение общего положения о единстве логики и теории познания.

Особых логических процессов, логических процессов в «чистом» виде (обособленных от познавательных процессов, допускающих не только логическую, но и психологическую характеристику) у индивида не существует. (В этом заключается объективная основа для отрицания операций, процессов, деятельности в сфере «чистой» логики Расселом, Кутюра и др.) Логическая операция – анализа, синтеза, вывода и т. п. – это познавательный акт, определенный через логические соотношения отправного пункта познавательного процесса и его результата. В плане психологического исследования исходным и в этом смысле основным является *не операция, а процесс*. Операция – это психический процесс, уже сложившийся в определенную логическую структуру, а психический процесс, если это процесс мышления, как правило, есть операция в стадии становления.

В логическом исследовании познавательный акт выступает в качестве операции, в психологическом – в качестве процесса; за каждой операцией психологическое исследование должно вскрывать *процесс* ее формирования и применения. Превращение в психологическом исследовании операций в исходные единицы грозит стиранием всякой грани между психологическим исследованием и исследованием логическим.⁸²

Говоря о процессе познания, нельзя, очевидно, ограничиться только процессом индивидуального познания, познания мира индивидом, нужно иметь в виду и процесс исторического развития знания; самый процесс познания мира индивидом опосредствован развитием познания мира человечеством, историческим развитием научного знания, как, с другой

⁸² Проблема операций и отношений осложняется другой, связанной с ней проблемой – операции и действия, мышления и практической деятельности. В логике Гобло (*Goblot Ed. Traite de Logique. – Paris, 1929*) выдвигал мысль, что нервом всякого рассуждения является действие и притом не особое умственное действие, а в уме воспроизведенное практическое действие. Этот неверный тезис, стирающий, по существу, всякое различие между практической и теоретической деятельностью, между действием и познанием, Гобло пытается обосновать посредством верного и важного положения, что в своей основе рассуждение заключается не в соотношении принципов между собой, а во введении в ход рассуждения все новых объектов, в оперировании этими последними в соответствии с принципами. Этим доказывается невозможность сведения рассуждения к соотношению принципов, необходимость оперирования над объектами рассуждения, но не оправдывается сведение теоретического познавательного акта к умственно совершающемуся воспроизведению практического действия; действие, согласно этой концепции, не нуждается в познании, а познание ничего не прибавляет к действию. В психологии Жане и его продолжатели, не отождествляя прямо мыслительную операцию или умственное действие с практическим действием, стали трактовать операцию, умственное действие как «интериоризованное» внешнее практическое действие, как результат перехода последнего во внутренний план. Логика этой концепции ведет к тому, что мышление превращается в редуцированный дубликат действия, воспроизводит его особенности, а не отражает свой объект. В мыслительной деятельности выступает то, что она есть деятельность, и сводится более или менее на нет то, что она – мышление, познание. Между тем действие человека требует познания и невозможно без него. Практическое действие не может быть сведено к внешнему деланию, к оперированию, к своей исполнительской части, к движениям, посредством которых оно осуществляется. Оно необходимо включает и чувственную, познавательную часть; самые движения, посредством которых осуществляется действие, тоже «афферентируются», управляются, регулируются чувственными сигналами, ощущениями. Чувственное познание включается в действие как его необходимая составная часть, как его регуляторный «механизм». Поэтому нельзя, разрывая единство подлинного действия и подставляя внешнюю исполнительскую часть действия на место последнего в его целостности, выдвигать действие, сведенное к его исполнительской части, как первичное, пытаться представить вырванное из него познание как нечто производное от него, как его идеальный, «умственный» дубликат. Практическая деятельность, действительно, предшествует теоретической; в процессе исторического развития идеи сначала вплетены, как говорил Маркс, в практическую деятельность, лишь затем производство идей выделяется в особую теоретическую деятельность. В ходе индивидуального развития человек (ребенок) тоже сначала решает задачу посредством проб в плане внешнего действия с предметом и лишь затем – в плане внутреннем, идеальном. Однако этот переход от решения задачи посредством проб в плане внешнего действия к решению в идеальном, внутреннем плане означает не переход от практического действия без познания к познанию без практического действия; он означает переход от низшего уровня необобщенного познания условий действия, при котором решение не может быть достигнуто иначе как посредством ряда единичных проб, к более высокому, обобщенному его уровню, при котором единичные пробы, естественно, отпадают. Это переход, связанный с изменением характера познания, при котором всегда сохраняется взаимосвязь познания и действия.

стороны, процесс исторического развития научного знания опосредствован познавательной деятельностью индивидов. (Изучение этого последнего, т. е. процесса познания, мышления индивида, опосредствованного процессом исторического развития познания, результаты которого индивид осваивает в процессе обучения, составляет предмет психологии; изучение же исторического развития познания – предмет теории познания, гносеологии, эпистемологии – теории научного познания.) Процесс исторического развития познания есть, по существу, процесс развития знания, он по преимуществу имеет дело с соотношением объективированных результатов познания, исторически проверенных и консолидировавшихся в систему науки. В применении к ним закономерно выступает логическая, а не психологическая характеристика познавательных процессов. При этом, однако, так же как индивидуальное познание и мышление индивида опосредствовано общественно-историческим развитием знания, исторический процесс развития научного знания опосредствован познавательной деятельностью индивидов, людей, трудами которых осуществляется развитие научного знания.

Таким образом, уясняется соотношение психологического, гносеологического и логического подходов к познавательной деятельности. Этим преодолевается как антипсихологизм объективного идеализма, так и психологизм субъективного идеализма. Сформулированное выше положение, согласно которому знание, его идейное содержание, как бы ни было оно объективно, никогда не возникает помимо познавательной деятельности человека как субъекта познания и не существует безотносительно к ней, приобретает теперь совершенно определенный смысл, исключающий всякую возможность соскальзывания в психологизм, т. е. субъективный идеализм.

За обособлением идей от чувственно данных вещей падает и обособление их от познавательной деятельности субъекта. Идеи включены в познавательное отношение человека к объективной реальности, в познавательную деятельность субъекта, взаимодействующего с миром. Отношение образа, идеи к вещи, в котором психическое и выступает в качестве идеального, является лишь моментом во взаимоотношении человека как субъекта с объективным миром. Характеристика психического как идеального выражает выделяемую научной абстракцией сторону, аспект характеристики психического как субъективного.

3. О психическом как субъективном

Отношение человека как субъекта к объективной реальности – это исходное, основное отношение для постановки гносеологической проблемы. В этой связи психическое выступает как субъективное.

Марксистский диалектический материализм преодолевает ограниченность всего домарковского материализма, для которого, как указывал Маркс⁸³, бытие выступало только в форме объекта, вследствие чего субъект целиком отдавался в ведение идеализма. Для марксизма бытие выступает не только в форме объекта и его созерцания, но и в форме субъекта и его деятельности. Единство (диалектика) субъекта и объекта обнаруживается как в практической деятельности человека, так и в познании. В своей практической деятельности человек может осуществить свою цель и соответственно этой цели изменить объект, лишь сообразуя свои действия с собственной природой объекта, на который он воздействует. В познании деятельность субъекта заключается в том, чтобы выявить объект, обнаружить его собственную природу.

Для того чтобы материалистически понять бытие не только в форме объекта, но и в форме субъекта, надо прийти к подлинному научному пониманию субъективности. Психоло-

⁸³ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Избр. произв. Т. II. – С. 383.

логия – плацдарм, на котором конкретно решается эта задача. Речь идет не о том, чтобы отрицать субъективный характер психического, а о том, чтобы неверному, идеалистическому пониманию субъективности психического противопоставить научное понимание субъективности и объективности и таким образом преодолеть субъективизм в понимании психического.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.